

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ВОЕВИК

Евгений
ЩЕПЕТНОВ

ИНЬ-ЯН



Евгений Владимирович Щепетнов

Инь-ян

Серия «Инь-ян», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10748882

*Инь-ян : [фантастический роман] / Евгений Щепетнов: Эксмо; Москва;
2015*

ISBN 978-5-699-81819-8

Аннотация

Мудрецы говорят: «Бойтесь своих желаний». Капитану полиции Сергею Сажину пришлось опробовать справедливость этого изречения на своей шкуре. Когда жить захочешь – еще как раскорячишься, а он очень хотел. Как угодно, но жить! После нападения убийцы Сергей очнулся в чужом мире и... в чужом теле! Но мало ему проблем – тело оказалось женским! Как быть, если стал нищей девчонкой без гроша в кармане? Но жизненный опыт не пропьешь, а законы улицы везде одинаковы, даже если по ним ходят колдуны и стражники, закованные в средневековые доспехи...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	39
Глава 3	74
Глава 4	107
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Евгений Щепетнов

Инь-ян

© Щепетнов Е. В., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Сергей привычно протянул руку к двери, нажал кнопку... с досадой поморщился – кого он вызывает? Кто в пустой квартире может ему ответить? Паук, который обосновался в углу кухни над холодильником? Или засохший кусок сыра, тоскливо ожидающий погребения в мусорном ведре?

Уже неделю, как он холостяк. Или почти холостяк. Дело времени – просто нужно оформить развод, и все тут. Записка: «Живи со своей работой, а я найду себе мужчину, который будет любить МЕНЯ!» лежала в нагрудном кармане, как памятник всей его жизни.

Дурацкой жизни.

Он отошел назад, посмотрел на звездное небо, затушеванное тусклым подъездным фонарем, и внезапно, сойдя с лестницы, уселся на скамейку, где обычно обитали домовые бабки – вреднящие, гадкие существа, но очень полезные – если знаешь, как к ним подойти. За десяток лет службы в милиции, ныне полиции, Сергей хорошо научился разговаривать с этими кладезями информации, знающими все обо всех жильцах.

«Романтик хренов... мне тридцать восемь лет, а что за плечами? Грязь, чужие подъезды, пьяные рожи, кровь и бумаги – много, много бумаг! Хочется взять и соорудить из них костер и положить на него тех, кто придумал, что опе-

ративнику нужно не злодеев ловить, а составлять бумаги о том, как он проводит мероприятия по... Гадство! Какое гадство! Ленка ушла... Хмм... только почему-то нет горя. Может, я ее и не любил? Да нет... любил же... пищал от восторга... кувыркался с ней – восемь раз за ночь! Когда мы стали чужими? В какой момент? Тогда, когда она уехала на курорт одна? Или когда я нашел в ее сумочке презервативы? Или... в общем – чужие. Ушла, и ушла. Детей нет, молодость уходит – я ее понимаю. Жить с опером, которого постоянно срывают с места – и в выходные, и в праздники (особенно в праздники!), – это не то что не сахар – вообще полное дерьмо! И я – дерьмо! И сегодня нажрусь. Назло всем – нажрусь, и все тут! Только не обманывай себя – ты уже сколько раз нажирался, Серега? За последнюю неделю? Каждый раз, как приходишь домой. И снова врешь! Себе-то врать зачем? А в отделе сколько раз нажирался, оставшись на вонючем, засаленном диванчике? Хмм... это что, получается – я спиваюсь? Как Васька Шундин? Потом в участковые, а когда найдут валяющимся в канаве – на «гражданку»? В «народное хозяйство»? Эх, капитан Сажин... медленно, но верно подкрадывается писец, тебе не кажется? Кажется. Одно то, что я разговариваю сам с собой, – уже полное дерьмо! Рассказать докторишке на комиссии – тут же уволят нахрен. Все-таки оружие таскаю с собой. Боевое! А вдруг крыша поедет, и перестреляю очередь в магазине, как тот придурочный?

Кстати, иногда и правда так хочется перестрелять всех: дебилов на дороге, начальника с дурацкими вопросами, да и очередь эту гребаную вместе с кассиршей – сука, полчаса не могла посчитать сдачу! Где этих дур набирают?! На бирже гастарбайтеров? Ей-ей, там!

Черненькая, приезжая, видать... Кстати, а мордочка симпатичная... хоть и нерусская. Глазищи такие...

Хмм... капитан Сажин, ты когда последний раз с бабой был? Тек-с, тек-с... что?! Три недели назад?! С Нинкой, продавщицей из мебельного?! О Господи! И по пьянке... быстро, грязно... и толсто. Ну чего она не хочет похудеть? Мордочка симпатичная, но зад наела – как бегемот! Впрочем, по-пьянке мне все равно, хоть медведица.

Не хотел жить с женой – вот теперь и пользуй медведиц, болван... ну что мне не училось на бухгалтера? Или... или... на повара, к примеру! Был бы толстый, румяный, уважаемый! И жена была бы дома! И ведь готовить я люблю, и получается хорошо, готовить-то. А я поперся в ментовку! Осел!

И до пенсии еще семь лет! Семь долгих, гадких, грязных лет. Лет мордобоя, вони КПЗ и перегара. Если бы знать раньше... ну и что бы я сделал? И кстати, что мешает мне что-то сделать сейчас? Чего я уперся в эту чертову ментовку? Зачем она мне? Уволиться, найти себе работу!

Например – какую?

Ну как – какую? Да любую! Где платят хорошо!

Сергея, ты опять тупишь – ну что ты умеешь, кроме мор-

добоя, стрельбы и выкручивания рук? Да составления отписок в прокуратору и непосредственному начальнику! Куда ты пойдешь? В такси?

Ну и в такси, да! Таксисты хорошо зарабатывают! Отвали, внутренний голос! Схожу с ума, сука...

Не отвалю. Я – это ты. Только умнее. Таксисты, говоришь? Ты же бешеный придурок, ты пассажира убьешь, стоит ему только сказать, что водила мудака и денег отдавать не будет! И тебя посадят – а ты не фулюгань, не фулюгань! Ты уже привык быть первым – ты же красной книжечкой прикрываешься, тебе с рук все и сходит – гроза арбузников и ларечников, великий и ужасный Сажа! А таксиста ведь никто не прикрывает – кроме него самого!

Пойду... пойду... в частное охранный! Тоже неплохо!

Стоять дурнем в магазине за жалкие гроши? Твои арбузники больше не будут платить за защиту, и кто ты тогда будешь? Нищий охранник! Жалкая, ничтожная личность! Да какая, к черту, личность? Разве можно ЭТО назвать личностью?

Сука ты...

Ага! Правда глаза колет? Так я – это ты! Раз я сука – значит, и ты сука. Отличие у нас с тобой только одно – я правду говорю, а ты – нет.

Скоро в дурку слягу – шизофрения грянет. Если до этого кого-нибудь не пришибу! И правда – зарплата в ментовке гораздо круче, чем у охранников. Да и на земле можно кое-

что приподнять. А кто я буду без ментовки? Ноль! Дождаться пенсии и свалить... дадут штук пятнадцать, можно спокойно жить, а там уж устроиться... куда-нибудь. Чего сейчас загадывать? Выпить надо. Звезды, луна – хорошо! Когда-то с Ленкой так сидели. Молодые, горячие... Эх, Ленка, Ленка!»

Сергей сунул руку в пакет, который держал на коленях, достал бутылку виски – он предпочитал его водке, считая, что вряд ли виски делают паленое, открутил винтовую крышку и сделал крупный глоток, запустив в горло граммов сто, может, больше. Утер губы, поморщился и, вынув из пакета пластмассовую баночку с квашеной капустой, открыл ее и, зацепив руками пучок острой, пахнувшей хреном соломки, смачно закусил.

Ухмыльнулся – заморский продукт закусывает русской капустой! Забавно!

Почему забавно – Сергей и сам не знал. Просто забавно, и все! Положено же как-то по-иностранным закусывать виски и пить его со льдом, а не на скамейке у подъезда. Скамейка привыкла к другим напиткам – портвейн, например, или водяра, а то еще был ликер такой – «Апельсиновый». Густой, сладкий. Отрыжка от него хорошая. Апельсинчиком.

Холодало. Потянул острый майский ветерок, забираясь под куртку тонкими ледяными пальцами. Сергей поежился, положил бутылку и закуску на место, в пакет, встал и сделал шаг к подъезду.

Но войти не успел. Позади него выросла тень, и на затылок мужчины обрушился страшный, дробящий кости удар обрезка трубы.

Костян Сопатый бил наверняка – он не любил, когда жертва не вовремя оживала. При габаритах этого ночного грабителя ожидать, что встреча с разъяренной жертвой принесет ему удачу, было просто глупо. Нет уж, расколотый череп – залог успеха! И Сопатый бил, как мог, – со всей своей злой силой. Он был худым, но не совсем уж хилым парнем, потому ни один из тех, на кого он напал, не выжил. Все восемь человек. Мужчины и женщины, девушки и парни. Костян не брезговал ничем: деньги, одежда, телефоны и продукты – брал все.

Этого мужика он заметил давно, когда шел по улице в ожидании запоздавшего пьянчуги или продавщицы, на свою беду возвращавшейся из магазина в позднее время. Мужчина внаглую сидел и пил из горла, закусывал, сам напрашиваясь на неприятности. Лохи они для того и есть, чтобы их учить! Особенно если сидят спиной к улице и бухают... чего там он бухал? О! Виски! Не пробовал...

Сопатый обшарил пакет, отставил его в сторону, полез в нагрудный карман мужчины, лежащего в луже темной крови. Достал бумажник – деньги были, и грабитель довольно улыбнулся. Видать, лох только что получил зарплату!

Проверил другой карман – достал красную книжечку, раскрыл, прочитал... и тихо охнул – мент! В натуре мент!

За него столько дадут, что...

Подхватился и мелкой рысью помчался за угол, задыхаясь от страха и возбуждения. Забежав за угол старого дома, видевшего еще революционных матросов, захихикал, постанывая от удовольствия, – мента завалил! Мусор поганый! Заслужил, гад! И теперь на его денежки можно погулять! Ствол у него надо было бы взять, но поздно. Сразу-то не подумал, а теперь нельзя. Те, кто возвращается на место преступления, долго на свободе не ходят – так учил старый бродяга на зоне. У того было десять ходок, и он знал жизнь.

«Сделал дело – и быстро вали, не мешкай! Чем дальше ты будешь от места – тем лучше! Мусорам труднее найти! А лучше всего – и в другом городе!»

Сопатый скривился и прибавил шаг – на вокзал! И свалить пока что в райцентр. К Гальке на хату. Денег хватит отсидеться неделю, а там – как карта ляжет.

* * *

Вспышка! И мысль: «Неужто все?! Жить! Жить! Как угодно – жить! Ааааа!!!»

* * *

Ужасно зудел бок. Ну просто ужасно. Сергей протянул ру-

ку под одеяло, почесал и... открыл глаза!

«Что-то не так. Воняет. Может, из помойного ведра? Хмм... Я что, на кухне уснул? Ффффу... дышать нечем! Ой! Какая сука кусается?! В сортир охота... темень какая... и тихо... Где я?»

Сергей осторожно выполз из-под одеяла, попытался сесть и врезался головой в потолок. Тот был настолько низким, что даже сидеть можно было с большим трудом – голову приходилось наклонять.

Проморгался, дождавшись, когда перед глазами перестанут вертеться красные круги, выскочившие после крепкого удара, протер глаза и попытался пробить взглядом темень, царившую в этом «курытнике». А темно было – хоть глаз коли. Вообще ничего не видно, кроме... Откуда-то струился серый, рассеянный свет. Из прямоугольного отверстия в стене. Узкого. Пролезть будет трудно.

Он сполз с топчана – на ощупь деревянного, покрытого какой-то вонючей ветошью – скрючившись, дошел до отверстия и неожиданно легко проскочил в дырку. Она оказалась впору.

В нос ударил запах гниющих водорослей и рыбы, а над головой раскинулось огромное звездное небо, темное, глубокое, как бездонная бочка. Привычно поискал Млечный Путь, не нашел. Удивился – куда тот делся? Немного подумал – может, его, Сергея, как-нибудь переместили в другое полушарие Земли? Откуда Млечный Путь не видно. И тут же

хмыкнул – разве его откуда-нибудь не видно?

Оставив эти размышления, он окинул глазами окрестности и тихо охнул – слева, впереди, освещенное луной блестящее море. Уходящее до горизонта, тихое, будто на него вылили миллионы бочек масла.

Вдоль берега стояли ряды домиков-конурок. Тихих, темных, убогих. Конурки были сколочены из досок – грубо, иногда со щелями. Впрочем, похоже на то, что особой крепости от домиков и не требовалось – главное, чтобы крыша над головой была, от дождя укрыла, а то, что щели в стенах, – так дышать получше будет. Не замерзнешь – воздух тяжелый, густой, горячий, не спасает и дыхание моря, пахнущего йодом и нечистотами.

Впрочем, это не море пахло помоями, а то, что хлюпало под ногами, – вонючие грязевые лужи, от взгляда на которые от отвращения перехватывало горло.

Сергей вытащил ногу из отвратной жижи – он стоял как раз в центре особо мерзкой лужи, выбрался на относительно сухое место, на бугорок, как раз над крутым спуском к берегу, посмотрел – налево, направо – и вздрогнул, не веря своим глазам. Вправо по берегу, за высоким забором стояли корабли! Да не просто корабли, не те железные ржавые лохани, перевозящие контейнеры, солярку или щебень, нет – это были парусные корабли! Такие, как на картинках про пиратов и путешественников! Или почти такие. Откуда ему знать – такие или нет?

Не важно. Главное, что у них были высоченные мачты и все, что к этому прилагается, – канаты, веревочные лестницы и прочее. Корабли везде: у причалов, на море. Их были десятки, а может, и сотни – пузатые, стройные, большие и маленькие. Горели фонари, лаяли собаки – то ли на самих кораблях, то ли портовые стаи бродячих тварей.

То, что это порт, было ясно с первого взгляда. Луна светила так, что можно было принять ее за прожектор, да и небо, пока разглядывал окрестности, стало серым. Похоже было, что скоро рассвет. Видно все как на ладони.

Голова кружилась, и в то, что он видит, Сергею не верилось. Только что сидел у подъезда, пил виски из горла, и тут порт с парусниками! Какая-то вонючая клетушка. Горячий тропический воздух. Море. Где он?

Сергею ужасно захотелось по-маленькому. Он подошел к краю высокого обрыва, потянулся к ширинке, и его пальцы наткнулись на плотную ткань. Ширинки не было!

Сергей ощупал штаны, схватился за промежность... Не было! НЕ БЫЛО! Ни штанов, ни... Он с ужасом, повизгивая от страха, обеими руками вцепился в то место, где находится самое дорогое для мужчины. Нет! ЕГО нет!

«Кастрировали! Меня кастрировали! И забросили куда-то в Таиланд! Почему в Таиланд? Потому что там так жарко! А почему не Вьетнам? Или Вьетнам?! Да какая разница, мать твою?! Мне член отрезали! Я проклятый кастрат! Аааааа! Аааааа! Сссуки! Кто?! Кто это сделал?! Убью! Все равно вы-

души. Нет – не потрясло, его просто вывернуло наизнанку! Он, здоровенный стокилограммовый мужик, сбивающий человека с ног одним ударом кулака, теперь баба! Баба, проклятая баба! Существо, предназначенное для траха и нытья! Для траты мужниных денег и порчи настроения! Он, Серега Сажин, Сажа, капитан полиции, опер с десятилетним стажем – грязная баба неизвестно в какой грязной стране!

Задумался. Вспомнил фильм, который видел несколько лет назад, – что-то вроде ужасстика-фантастики. Там Бандерас поймал хулигана, пытавшегося изнасиловать его дочь или жену – уже не помнил, кого именно, – так этот самый Бандерас оказался талантливым пластическим хирургом. Взял и сделал злодея бабой, один в один похожей на покойную жену. И трахал ее. Пока та (тот!) не осердилась и не всадила в маньяка несколько пуль. Может, тот самый случай?!

Решил – глупости это все. Кому он, на хрен, нужен, спивающийся мент, не влияющий ни на что, кроме своего пропавшего члена?! (Ой-ей... о-е-ей!) Кто мог его ТАК ненавидеть, чтобы нанять дорогого хирурга и сделать из него бабу? Да если бы хотели – просто прострелили башку в подъезде, и все тут! Да и злодеи у него мелкие – все какие-то дебоширы, убийцы по-пьянке, воришки да проститутки – ну кто будет искать такие сложные пути отомстить клятому оперу? Перо в бок – и поехал Сережа на кладбище.

Смешно – Гасан-арбузник нанял бы киллера-хирурга,

чтобы сделать из мента бабу! Нарочно не придумаешь! Нет, этот вариант отпадает. Тогда что?

Сергей снова улегся на лежанку и стал ощупывать свое тело, изучая его сантиметр за сантиметром, благо что уже прилично рассвело – видны все углы этой собачьей будки. Хотя – на что тут было смотреть?

Деревянный топчан, грубый, крепкий, доски засалены, даже прикосаться противно. Пол земляной – выметен чисто. Ящик в углу – надо понимать, стол. Рядом с ним закопченные камни – очаг? Одеяло из непонятной грязной ткани, что-то вроде матраса. Как там раньше называли? Тюфяк? Сергей никогда такого не видел – внутри или солома, или трава.

«Все воняет, и... о Боже! Насекомые! Вши, клопы! Бррр! Гадость какая! И воняют... Кто там говорил, что клоп пахнет коньяком? Тьфу! Коньяк пахнет клопом! Впрочем, какая разница, что чем воняет? Вся моя жизнь воняет. А сейчас пришла к закономерному концу. И сдохну бабой! В грязи!»

На глаза Сергея навернулись слезы, и он чуть не зарыдал от отчаяния, что, в общем-то, было для него нехарактерно. Плакал он в последний раз лет двадцать назад, когда умерла мать, которая воспитала его без отца, сгинувшего где-то на просторах огромной страны.

Сгинувшего для семьи – так-то он был живее всех живых, просто жена и сын стали ему не нужны. Сергей его нашел, даже письмо написал. Ответное письмо повествовало о том, что у «папы» теперь другая семья и ему нет дела ни до тва-

ри-жены, ни до «сынка», скорее всего прижитого от соседа. Потому предлагалось больше не писать и забыть его адрес.

Сергею хотелось навестить папу и навешать ему люлей. Как выпьет – так и хотелось. Но приходило похмелье, а вместе с ним осознание, что это был бы путь в никуда. Не понятно куда – в народное хозяйство, на маленькую, убогую зарплату. И планы мести таяли сами собой. Да и смог бы он отлупить родного отца, даже такого поганца? Может, и смог бы, только вот пробовать не стал.

«Итак, обследуем – чего мне там соорудили эти твари? Худой. Рост... Как они рост уменьшили? Сто восемьдесят пять было! А тут хорошо, если сто семьдесят. А с чего я так решил? Может, такой же рост остался? Нет – точно меньше, точно! Тьфу! Ни хрена не точно! А вот кость тоньше, это – да. Лапы у меня больше были, а тут – бабские руки! Бабские сиськи! У меня – сиськи! Хорошо хоть не вымя, как у этой актриски... Как ее? Андерсон? Ходил бы, тряс шарами! Ох, шары, мои шары! Твари! Доберусь я до вас! Худой... худая? Жиру нет совсем. Ребра торчат – не кормили? Ну – когда переделывали! Интересно, сколько времени прошло? Чтобы сделать из меня бабу, нужны месяцы. Тьфу! Ничего не понимаю – ну кому понадобилось?! Пупок... а что ты ждал? Что пупок исчезнет?

Ох... ЭТО! Гадость!

А чего гадость-то? Когда ты туда совал – гадостью не было?

Так другое ведь дело! Совсем другое! Вот тебе, Сажа, и наказание. Сколько ты баб перепортил? Сколько обманул, клялся в любви? И это когда женат был! А вот теперь побудешь бабой!

Что-то у меня приступ самобичевания, как после бутылки виски. Выпить бы сейчас, мозги бы и прочистились.

Ага – допился уже!

Пошел на хер, внутренний голос! Без тебя тошно. Ладно, согласен – допился. И что? Что делать? Скажешь? Чего молчишь-то? Только и умеешь нести всякую хрень. Худо мне. Ох, как худо! Поспать, что ли? Только как? На клопах? Вшей кормить? Бррр... Как тот жмурик-бомж, что заставили везить. А по шее вши... Хорошо Васька Музгин на дороге попался. Раз ты участковый – вези трупешник в морг! Я-то соль земли, опер, мне Заратустра не позволяет! Откуда это? Где я слышал про Заратустру? А! Васька же и сказал!

На море пойти? Волосы не разодрать! Грязные, засаленные!

Ничего по логике не бьется – если из меня сделали бабу, то почему я такой грязный, засаленный?

Подожди-ка, подожди... А разговор с мужиками? Тогда бухали десятого ноября! Чуть не подрались – нашим парням только подкинь дровишек, то есть – религиозную тему, и все – жди мордобоя. Но это все не важно, важно то, что говорили о переселении душ. Что после смерти тела души куда-то там улетают, вселяются в другие тела и прожива-

ют жизнь заново, наработывая карму. И если ты был своло-
чью, значит, в следующем воплощении будешь полнейшим
козлом. В прямом смысле слова – в козла можешь вселиться!

Вот только закавыка одна – души не помнят, кем они бы-
ли. Вернее, почти не помнят. Редкие-редкие уникамы пом-
нят обрывки прежних жизней. А все остальные – нет. А что,
все хорошо укладывается в схему. Я вел себя плохо, бу-
хал, занимался поборами, обманывал, ловчил, жене изме-
нял. И вот результат – я вшивая, вонючая, помойная баба!

Ахренеет! Только и скажешь... И значит, мне нужно
прожить эту жизнь праведно, потом сдохнуть, чтобы воз-
родиться в новом, замечательном теле. Ништяк? Какой там
ништяк – полный стрем!»

Сергея вдруг охватила ярость – безумная, ищущая выхо-
да, шипучая и злая. Он с размаху саданул по топчану, больно
ушиб руку, скривился и затих, прислонившись к стене кле-
тушки. Потом бессильно упал на постель и мгновенно от-
ключился. Он спал, не обращая внимания на укусы насеко-
мых, зуд грязного тела и вонь, идущую от старого тряпья и от
него самого, бывшего опера, а теперь твари, которой пред-
назначено судьбой сгинуть на улице, удобрив чернозем, по-
литый нечистотами.

* * *

– Эй! Санги тон вон акр тумато бока! Зидиш так? Пастро!

Тум! Тум!

Сергей открыл глаза и недоуменно уставился на девчонку, стоявшую перед его «постелью», – лет семнадцати-двадцати, нечесаная, лохматая, шея в следах укусов. На лице здоровенный, уже начавший желтеть фингал, а в глазах смешливое возмущение.

– Тум! Боката сарана фукра!

– Сама фукра! – пробормотал Сергей, хлопая ресницами, и тут же осознал то, что с ним случилось ночью. Сел на топчане и воззрился на девицу, стоявшую над ним, уперев руки в бока.

– Ты кто такая? – спросил он хрипловатым голосом и тут же поежился – голос звучал тонко, по-женски, впрочем – как ему еще звучать? Баба! Он – баба!

– Жоса танак курдак! Тум! Сарана фукра...

– Еще раз выругаешься – пилюлей получишь! – догадался Сергей и уперся взглядом в «свои» расцарапанные коленки. Они были худыми, а то, что к ним прилагалось, – жилистое, мускулистое, как у гимнастки или прыгуньи в высоту.

Девчонка с интересом смотрела на его манипуляции, на то, как он задирает платье, разглядывая то, что ему досталось по воле обозлившегося бога или богов, потом фыркнула и, хитро подмигнув, заявила:

– Тиекна друз, друз – фиак мистут дрыз! Дрыз, дрыз – ис опт карамур ту!

Девчонка тут же изобразила, как она бы Сергея «кара-

мур», и он возмущенно вскинул на нее глаза, сдвинув брови, – слова непонятны, но интонации, а особенно ее жесты, не оставляли места для фантазий. Девка сказала что-то вроде: «Ну, хороша, хороша! Мужики затрахали бы тебя до смерти! Да я и сама бы тебя не отказалась попользовать!»

– Дура ты! – беззлобно, горько бросил Сергей, и на глаза ему снова накатились слезы. И это было странно – опять же, он никогда не плакал! Может, переход в женское тело так подействовал? Одна слеза прокатилась по щеке, и незнакомка тут же осеклась, произнося очередную ехидную фразу. Помолчала, потом села рядом и, обняв Сергея за плечи левой рукой, погладила его по голове:

– Се, се, сатон мор? Мора нака горсантр на! Тум – сиргар, когар, налада!

– Думаешь – наладится? – автоматически переспросил Сергей и глубоко вздохнул. – Ни хрена ничего не наладится! Ты мне что, член пришьешь? Так и сдохну тут, в этой вонючей стране! Кстати, как она называется, а? Таиланд? Вьетнам? Ты меня понимаешь? Парле ву франсе? Ду ю спик инглиш? Ни хрена больше не знаю, кроме ругательств на казахском языке – Рустам научил в институте. Ты понимаешь? Ни хрена не понимаешь. Вон, как вытаращилась!

– Ту – Сарана? – девчонка со страхом выпучила глаза и отодвинулась на дальний край топчана. – Сарана?

– Ту? – Сергей показал на девчонку, и она со страхом вскочила с места.

– Ге Сарана! Ааа! – девчонка попыталась выскочить из домика, но врезалась в угол и застряла в узком проходе. Сергей поймал ее за ногу и, не обращая внимания на вопли, подтащил к постели, не без труда отправив на деревянное ложе.

– Тихо! Да тихо ты! Заткнись! Вот так! Да, похоже на то, что я – Сарана. Ту – Сарана! Мать вашу!

– Мат вашс? – девчонка снова широко раскрыла глаза и попыталась смыться, но Сергей держал крепко, схватил за горло, навалился всем телом:

– Сидеть, мать... тьфу! Хрен знает, что у вас обозначает «мать»! В общем, ту Сарана, и заткни глотку, дура! А то я сам ее сейчас заткну!

Сергей тяжело дышал – девчонка оказалась довольно сильной или он слабым. Раньше такую «глисту» одной рукой, а теперь... теперь он – баба!

– Вот так – сиди! Ту – Сарана! Ту? – Сергей ткнул пальцем в грудь гостье и почувствовал мягкую плоть. Отдернул руку, но девушка ничего не заметила. Она молчала, сидела, как мертвая. Тогда Сергей повторил:

– Сарана! Ту?

– Абина, – пролепетала девица, сжав пальцы в кулачки и прижав их к губам.

– Замечательно! – почти искренне обрадовался Сергей. – Вот контакт с аборигенами и налажен! Абина – что это? Ну, вот это?

Сергей постучал по голове. Абина не поняла, тогда он на-

чал пытаться изобразить жестами. Наконец поняла.

– Хелд.

– Ага! Уже сдвиг. Ну что же – давай называть по именам. Начнем с этого поганого мешка, изображающего платье. Итак?

* * *

Понадобилось полчаса, чтобы девица наконец уяснила основные пункты того, что хотел втолковать Сергей: с головой у него не в порядке, язык не знает, не представляет опасности для этой самой девицы.

Третье оказалось основным, потому что девица постоянно вздрагивала и смотрела на Сергея (Сарану!) как на черта, каким-то образом занявшего тело знакомого, а может быть, даже родного человека. Кто она Саране? Подруга? Сестра?

Закончив с объяснениями, Сергей и его новая подружка вылезли на свет божий. Пора было отправляться на промысел – по крайней мере, так понял Сергей.

Девица упорно требовала уходить, так что понять было немудрено, особенно когда у тебя от голода бурчит живот. Но прежде надо было смыть с себя пот и грязь – ходить по улице в таком виде, как бомжу или, скорее, бомжихе...

«Нет, это не вариант!» – как говорил один знакомый, переехавший из Краснодарского края в промозглый, продуваемый всеми ветрами Питер.

День вступил в свои права, пинком отбросив надоевшую ночь, тихо уползшую туда, куда в конце концов отправятся все плохие люди – в преисподнюю. Огромное солнце сияло, как прожектор на продуктовой базе, слепя и заливая берег моря потоками жгучих лучей.

То ли Сергею показалось, то ли так и было – однако здесь было жарче, чем на берегу Балтийского моря. Впрочем, возможно, потому, что солнце там не очень-то и увидишь. Как его рассмотреть «в полный рост», когда оно постоянно за тучами? Здесь же солнце сбросило стыдливые покровы облаков и явилось людям во всей красе – белый диск, здоровенный, похожий на начищенный серебряный таз.

Некоторое время Сергей ничего не видел, потом проморгался и рассмотрел то, что мельком увидел ночью: жалкие хибарки, людей, похожих то ли на бродячих котов, то ли на стаю шелудивых помойных собак. Они копошились у входа в дом, хлюпали по зелено-желтой жиже, переговаривались, смеялись, плакали. Бегали дети, покрытые грязной коркой, – страшненькие, кривоногие, уродливые, с раздутыми животами и впавшими щеками.

Сергея передернуло: такое он видел только в кино или на снимках – так живут в африканских странах, в трущобах Индии или... в общем – везде, где есть трущобы, голод, грязь и люди, которые не могут выбраться из безнадеги.

Отвернувшись от этого убожества, Сергей побежал по тропинке, ведущей к берегу, туда, где блестела морская

гладь, украшенная гребешками волн, поднимающими к небу трупики дохлых рыб и мусор.

Вода была прекрасна – жгуче-соленая, обжигающая ссадины и места укусов, она смывала с тела ночной мрак, все гадкое, что успело произойти с Сергеем за последние сутки. Волны качали его... теперь – его – тело, и взгляд тонул в синей вышине, заставляя забыть обо всем плохом.

– Сарана! Сарана, абди кохай мурдук! Ааааа! Сарана!

Сергей очнулся от грез, с досадой вернувшись к действительности, и недоуменно поднял голову над водой – чего она так истошно вопит? Оглянулся назад, в открытое море, и вдруг заметил бурун, который следовал за продолговатой штукой, как если бы кто-то пустил боевую торпеду.

Сердце сжалось, а инстинкт, которому миллионы лет, заставил тело отреагировать мгновенно – руки сами собой отбросили воду назад, ноги задергались в судорожных попытках изобразить винт корабля, и владелец ног рванул вперед не хуже той самой торпеды.

Никогда еще так не плавал – мышцы рвались, не выдерживая запредельной нагрузки, адреналин захлестывал, бурным потоком омывая все уголки тела, заставляя его работать для спасения, для жизни, для того, чтобы Сергей мог и дальше валяться на вшивом матрасе, вдыхая запах нечистот.

Это ему пришло в голову уже потом, когда Сергей выбросился на галечный берег и по инерции прополз еще несколько метров выше, упершись головой в корень какого-то дере-

ва, торчавший из земли, как бок окаменевшей змеи.

Видимо, его спасло именно то, что Сергей не остался на кромке воды, а проскочил дальше. Чудовище, напоминающее одновременно и крокодила, и акулу, выскочило на берег, проползло следом метра три и, недовольное тем, что добыча ускользнула из кривых, острых, как кинжалы, зубов, бессильно заревело и, шлепая ластами, медленно вернулось в свою стихию – поджидать очередного глупого купальщика. Сергей же лег на спину, забыв, что он наг, как в момент рождения, и стал хватать грудью воздух – такой сладкий, такой животворящий – даром что пропитан миазмами проклятого поселка нищих. Живому все хорошо!

– Сарана, сит уа рад! У! – девушка бросила на грудь Сергею платье, которое он оставил на берегу, и только теперь «Сарана» заметил, что вокруг собралась толпа народа.

Кто-то потешался, хихикая и показывая пальцем на глупую «девку», кто-то укоризненно качал головой, осуждая бессмысленную храбрость, какой казался поступок Сергея. Теперь он понял, почему местные жители такие грязные. Зайти в море было чем-то вроде «русской рулетки», когда в револьвере оставляют один патрон, приставляют к голове и спускают курок. Можешь выжить, а можешь и...

На всем протяжении берега моря вода бурлила, вздымаемая могучими хвостами подводных чудищ, как если бы работали мощные насосы. Тварей здесь было штук двадцать, а может, больше. Стая. Вот один из них, больше похожий

на небольшую подводную лодку, взлетел над водой и с грохотом обрушился вниз, от чего крутая волна плеснула на берег и с шипением впиталась в сухую гальку почти у ног Сергея, медленно и с отвращением натягивавшего платье.

Люди вокруг радостно зашумели, а чумазый мальчонка завизжал и показал морю отставленный большой палец – видимо, это обозначало то, чего лишился Сергей при реинкарнации.

«Вот, получите, твари! Не достанусь я вам!»

Толпа стала потихоньку рассасываться – а на что смотреть? На двух замарашек? Сами такие – неинтересно.

Сергей смотрел им вслед и прикидывал – что за нация? На кого похожи? Внешне их можно было бы принять за европейцев, но глаза слегка раскосые. Кожа смуглая, и это понятно, в таком-то климате и жарком солнце. Народ невысокий, вроде японцев, но были довольно-таки могучие экземпляры, возвышающиеся над толпой, как башни.

По крайней мере, один. Сергей увидел его за спинами «зрителей». «Башня» посмотрел на остальных, как Сергей на вшей, и быстро покинул «место представления».

Цепкий взгляд опера мгновенно определил, что этот человек не похож на того, кто нищенствует и последний хрен без соли доедает, – сытый, добротнo одетый и... вооруженный! У него на поясе висел то ли кинжал, то ли небольшой меч, что, в общем-то, Сергея не удивило, он был готов к чему-то подобному. Очень уж пахло средневековьем,

в буквальном смысле попахивало – смердело!

Еще через пять минут Сергей в сопровождении новой знакомой карабкался на обрыв, цепляясь за корни и упираясь в землю руками, чтобы не свалиться. Крутовато, загреметь вниз – раз плюнуть.

* * *

Порт встретил Сергея и его напарницу шумом, криком, суетой – корабли принимали в свои безразмерные трюмы грузы, вереницей муравьев бегали грузчики, ржали лошади, дымили жаровни, на которых жарили вонючую рыбу и еще что-то, похоже – морских гадов. Сразу захотелось есть, и сильно заболел желудок – будто кол воткнули. Где взять деньги, Сергей не знал. Оставалось идти за своей напарницей и смотреть, что она будет делать. Похоже, что утром та пришла именно для того, чтобы вместе отправиться на промысел. Какой? Да что толку гадать, когда все равно скоро узнаешь.

Да, узнал Сергей скоро. Абина привела к двухэтажному заведению, в котором он без труда узнал то ли гостиницу, то ли забегаловку самого низшего пошиба. Из задних дверей тянуло прогорклым маслом, перегретым на сковороде, дымом очага, опять-таки рыбой, а еще пряностями, как и полагалось в приличном южном ресторане.

Сергей где-то читал или слышал, что в южных странах

применяют много острых пряностей, чтобы не получить в свои кишки замечательного глиста, который, размножившись, подсадит деток туда, куда дотянется, ничуть не заботясь о здоровье носителя. Глист не терпит перца, а значит, нужно засыпать мерзкую тварь лечебной приправой по самую макушку. Так ли это, Сергей не знал, но взял себе на заметку – информация лишней не бывает. Особенно такая.

Абина пошла на кухню, оттуда слышались голоса, потом на крыльцо вышел толстый повар, глаза которого едва виднелись за толстыми щеками. С ног до головы осмотрев Сергея, он фыркнул и сказал что-то подошедшей сзади Абине. Потом указал на поленницу дров похожим на сардельку пальцем и исчез в недрах огнедышащей кухни.

Абина сошла с крыльца, вздохнула, пожала плечами и, тронув Сергея за плечо, тоже указала на поленницу, потом на груду поленьев невдалеке – эта груда была высотой по грудь Сергею, затем пошла и набрала охапку дров. Все было ясно – тяжелый поденный труд. Сергей ненавидел физический труд лютой ненавистью.

«А что я еще ожидал? Что еще могут делать две нищенки, кроме как... о нет! Слава Богу, хоть не ЭТО! Я не смогу! Лучше смерть! Попрошайничать – куда ни шло. Помогать по хозяйству жирдяю повару – тоже можно, не переломлюсь в конце-то концов, но проституция?! Нет, увольте! Впрочем, на такое говно, как я, никто и не позарится. Воняет от меня, как от помойки. И от «подружки» моей – тоже. Итак, Серега,

что будешь делать? Как пробиваться в этой жизни? Ну что за свинство – оставить мне прежнюю личность! Жил бы я шлюхой-нищенкой и не знал бы, что существуют сплит-системы, виски, копченая колбаса салями и трамвай! А теперь? Как мне жить без знаний о местной жизни, со своей памятью, с памятью стокилограммового мужика и, в общем-то, уважаемого на своей земле человека? Нет ни красной книжечки, ни пистолета, ни пружинной дубинки, которую любит шпана, – как мне тут выжить?! Так и буду жить во вшивой клетушке, кормить насекомых? Какая гадость...»

Сергей набрал здоровенную охалку дров, такую, как если бы он был все тем же Серегой, легко толкавшим стокилограммовую штангу, и побрел к кухне, пошатываясь от напряжения. От голода и непривычки к жаре у него мутилось в голове, потому он не заметил человека, который шел от конюшни к парадному входу в гостиницу. Сергей врезался в парня и уронил дрова прямоком на ногу этому типу.

То, что это был еще тот тип, – стало ясно сразу, когда кулак мужчины врезался в глаз Сергею с такой силой, что полетели искры, и на долю секунды «мишень» лишилась чувств, очнувшись уже на земле, в пыли, залитая слезами и соплями. Не обращая внимания на поверженную нищенку, человек пошел дальше, насвистывая какой-то мотивчик, напоминавший то ли китайские, то ли японские переливы.

Сергея затошнило, но он удержал в себе содержимое желудка. Впрочем, что там могло содержаться, кроме желудоч-

ного сока? И тут же пришла мысль – может, покончить с собой? Зачем он так яро убегал от морского чудовища? Чтобы вести вот такую, мерзкую, грязную, нечеловеческую жизнь? Умереть – и снова возродиться! Может, в следующий раз ему дадут то, что он хочет, например, станет каким-нибудь султаном с гаремом, громадными палатами и штатом слуг! И всего-то надо выйти дерьмом из инопланетного чудовища! Дать себя сожрать!

Хотя с другой стороны – а может, он не должен кончать с собой? Может, это тоже нарушение, из-за которого его карма усугубится? Не хватало еще возродиться каким-нибудь глистом, ожидающим своего глистогонного! Тогда что? Жить? ТАК?

«Нет уж. Кто я такой? Я опер! Я жесткий, тертый, злой опер, и поддамся этим средневековым дебилам?

А почему ты думаешь, что они дебилы?

Как почему? Ходят одетыми в тряпье, ездят на лошадях, ходят под парусами, обвешиваются саблями и мечами вместо автоматов и пулеметов... Так кто они? Дебилы и есть! И человек моего времени должен среди них стать умнейшим из умных! Великим! Ведь у меня знания!

Какие у тебя знания, болван? Как купить билет в трамвае? Ты и их-то утерять, когда начал ездить с красной книжечкой. Как зарядить пистолет? Как разобраться в накладных на арбузы? Как написать рапорт о проверке ранее судимого? Серега, какие знания? Что ты можешь предложить этому миру,

как заставишь его принять тебя? Как подомнешь под себя – чем? Соорудишь «узи» из двух сучков и старого ножа?

Я драться умею! Я боксом занимался! Ножи метал – худо-бедно, а из пяти раз четыре раза попадал в цель! Вот!

Ага. Ну метни в этого придурка, давай. Метни! У него кольчуга! Он тебя на хрен пополам разрубит, как кочан капусты! Видал, какой у него меч? Или сабля... хрен знает, как эта штука называется, но если он засунет эту железяку тебе в зад – тут твое существование и закончится.

Зло берет – я, такой умный, умелый, и в этом мире никто! Несправедливо!

Дурак. Где ты видел справедливость? Ты вообще видел где-нибудь справедливость? Лучше башкой подумай, как тебе выжить. Что ты умеешь, что мог бы делать. Ты ведь не совсем дурак! Продержаться столько лет в ментовке, не попасться УСБ, не нарваться на бандитский нож, сохранить отношения и с бандитами, и с честными гражданами, и со своим начальством – это же уметь надо! Это твое умение! А еще – ты же знаешь, как живут бандиты, как их ловят менты, ты должен использовать эти знания. Какая разница, какой мир? Вся шпана живет по одним законам, как и все менты – если они даже и называются здесь совсем по-другому. Смотри. Запоминай. Учись. Терпи. И тогда сможешь внедриться в Систему. Не победить, нет – внедриться в нее. Как глист. Как паразит, питающийся ее соками.

Как ты – прошлый».

– Эээ... сиктар опум... хххх... – Абина помогла Сергею подняться, отряхнула его, укоризненно покачала головой, затем подняла руку и постучала пальцем в лоб «Саране». – Дак-дак! Нифор! Нифор мог!

– Сама-то?! Бестолочи средневековые! – вскинулся Сергей и тут же остыл. – Понял я, понял... думаю башкой, да. Только и делаю, что думаю. Давай-ка ты меня научишь языку! Ну-ка, как это называется?

Сергей поднял полено и через минуту втолковал Абине, что хочет знать его название. Память у Сергея была неплохая, потому он запоминал с лету.

Впрочем, тут был еще один фактор, о котором Сергей задумался не сразу. Кто жил раньше в теле девушки? Куда девалась Сарана? Ведь она куда-то делась, эта личность? И еще – по всем признакам Саране, как и Абине, семнадцать-двадцать лет. Куда девались ее знания об этом мире? Тот же язык? Не является ли то, что Сергей интуитивно понимает кое-что из слов Абины, не интуицией, а всплывающей памятью? Где хранятся знания человека? В мозгу? А мозг теперь чей?

В общем, то ли остатки памяти, то ли Сергеевы невероятные способности (что сомнительно!), но к концу дня он худо-бедно знал полсотни слов, позволяющих кое-как объясняться с окружающими. Есть, пить, идти, взять, положить – примерно на таком уровне.

День прошел, будто прошла боль.

Их покормили – миска каши с кусочками рыбы, кусок лепешки. Потом снова дрова, затем таскали воду, убирали в конюшне – грязная работа, все то, что неохотно делает обычный человек, досталось им двоим.

Абина выполняла работу безропотно, не жалуясь, не ругаясь, Сергей же весь изошел на ругань, шипел под нос, плевался и под конец дня устал так, что еле волочил ноги. Устал и морально, и физически. Голова трещала от боли, и ему снова захотелось упасть в море, дожидаться, когда им закусит водяная тварь. Сергею не хотелось смотреть на город, на суетливый порт, только упасть, забыться, уйти в сон, туда, где он еще мужчина – большой, сильный, уважаемый и сытый.

И такими неважными казались прежние проблемы – жена ушла? Да хрен с ней! Начальство достает? Да пусть бы еще лет десять доставало! Дома пусто? О Господи! Пусть было бы пусто, только бы вернуться назад, в пустое, гулкое холостяцкое гнездо с тоскующим на полке холодильника заплесневелым сыром! Такое счастье было бы увидеть этот гребаный кусок сыра!

Реальность не радовала. Как и нынешняя работа. За день изнурительного, выматывающего труда они получили по пять медяков – небольших монет размером с двухрублевки. Что на них можно купить – Сергей не представлял. Хорошо хоть покормили на ночь глядя, можно не расходовать монеты, есть время подумать, куда потратить такое сокровище.

Сергей попросился взять воды из колодца, чтобы хорошенько вымыться, отойдя за конюшню, но толстый повар возмущенно замахал руками, Абина же уцепила Сергея за рукав и отвела в сторону, заметно испугавшись непонятно чего.

Абина махнула рукой, и две замученные работой нищенки побрели по мощенной булыжниками улице наверх, от входа в порт. Трактир стоял за портовыми воротами, на территории складов, и похоже, что эти самые ворота на ночь закрывались – в будке стояли внушительного вида парни, обвешанные различными вредоносными орудиями, от дубинок, окованных медью, до коротких тяжелых тесаков, больше напоминающих мечи викингов. Впрочем, может, это и были мечи?

Сергей оценил вооружение этих парнюг и пришел к неутешительному выводу – не продержится против них и минуты. Даже в собственном, мужском теле – минут пять, если не достанут тесаки. Таких лучше пристреливать на месте, пока не разгулялись.

«Мда, этот мир не для меня. Может, это ад? А что, кто видел ад? Кто оттуда вернулся, чтобы рассказать, каково там? Думай, Серега, думай. Как выжить? Жить, как сегодня, я не согласен. Ох, не согласен!»

Снова хлюпающая жидкой грязью улица, снова ряды «курытников». Люди, не обращающие друг на друга ровно никакого внимания.

У стены – то ли старик, то ли старуха – высохший от голода труп. Голова погружена в лужу, явно мертв. Одежду уже сняли, худые ягодицы обращены к небу острыми костями, как укор и вызов Небесам.

«Вот моя судьба! Это меня ждет, если я не придумаю что-то умное!»

– Идем! Идем! – Абина потянула «Сарану» в сторону и, подойдя к какому-то человеку, заговорила с ним, указывая на Сергея.

Это был тот самый человек-башня, огромный, с глазами навывкате, медлительный, как медведь перед атакой. Сергей знал таких людей и однажды едва не лишился жизни, когда такой вот на вид рыхлый парень едва не переломал ему кости, набросившись в наркотическом угаре. Бывший борец под слоем жира таил стальные мышцы, не до конца разрушенные химической отравой. Пришлось глушить его табуретом, хорошо, что рядом оказался опер Петька Курицын, иначе – кранты.

Сергей потом долго пинал неподвижное тело наркомана, отбив об него ногу, – мстил за страх, за унижение, и вообще – учил не нападать на полицейского при исполнении! Что будет, если каждая тварь станет набрасываться на представителя власти? Хаос, бунт, власть черни! Так всегда говорил их начальник, жестоко расправлявшийся с нарушителями порядка.

Крылов был очень, очень жестким человеком. Сергей

многому у него научился – еще когда тот был старшим опером, а потом начальником отдела розыска.

Поговорив, Абина вернулась к Сергею и, протянув руку, потребовала:

– Абол! Дай! Абол!

Сергей вначале не понял, потом догадался – платить за «номер»? Вон оно что. Значит, и этот ящик не принадлежит ему? Вернее – ей. Ночь – один медяк. А это или сборщик, или хозяин. Да какая разница. Все равно он с этим бугаем не справится. Так что пришлось доставать монету...

Перед сном Сергей снова прокручивал в голове то, что с ним сегодня происходило. Картинки, голоса – все смешалось в несчастной голове, сменившей хозяина. Незаметно подкрался сон, и, уже засыпая, Сергей остро пожелал, чтобы во время сна все встало на свое место – несчастная Сарана вернулась в свое замызганное тело, а он – в свое. Случилось же чудо один раз – почему бы не случиться и другому разу?

Глава 2

– Как?! Как мне выбраться? – Сергей откинулся на стенку своего убогого жилища и вперил взгляд в собеседницу, стоявшую возле топчана с потерянным, убитым видом. Девчонка кусала губы и комкала край платья, приподнявшегося над исцарапанными, грязными коленями. Смотреть на это было противно, и Сергей отвел глаза в сторону.

Впрочем, напрасно. Взгляд теперь уткнулся в дорожку из красноватых насекомых, деловито перебиравшихся по стене к своему светлому будущему. Или темному будущему – это с какой стороны посмотреть.

– Никак... – снова повторила девушка, откинув назад грязные волосы. – Нет выхода, кроме смерти. Мы должны исполнять волю богов и тогда при новом перерождении станем тем, кем должны стать. Должны терпеть...

Сергей достал из-под доски топчана небольшой, острый, как жало осы, кинжал. И взвесил его на руке:

– Почему мы не можем сами взять то, что хотим? Почему должны терпеть?!

– Зачем ты его взяла?! – глаза девушки расширились, как лужи после дождя. – Я же сказала тебе – выброси! Если кто-то увидит в твоих руках оружие, могут убить на месте! Сколько раз тебе говорила, а ты?! Ты что, с ума сошла?!

– Не понимаю, – помотал головой Сергей. – Почему я

не могу иметь оружия? Все вокруг ходят с оружием, чем я хуже?

– Нельзя! Нельзя внеклановым иметь оружие! – скриivilась Абина. – Убьют! Мы ниже низших, никто, грязь! Нас можно убить, если хочется клановому! А это, – Абина ткнула пальцем в кинжал, – повод! Потом скажет, что ты хотела его зарезать! Мы должны исполнять волю клановых! И когда переродимся – тоже будем клановыми!

– Хуже рабов, – пробормотал Сергей, – хуже рабов... даже у тех есть права. Вот это я попал...

– Ты хочешь продать себя в рабство? – Абина села рядом с Сергеем и горестно вздохнула. – Мы об этом уже говорили. Ничего не меняет... Ну да – еда, крыша над головой, когда-нибудь могут в клан принять. Но ты слышала, чтобы рабы когда-нибудь входили в клан? Видела такого раба? Хотя чего я болтаю, ты же не помнишь. Не бывает такого. Это все сказки вербовщиков. Не доживают рабы до свободы. Сараночка, пошли работать, хватит сидеть. Уже давно утро. Пиголь денег за дом потребует, а у нас их нет. Кстати, сегодня твоя очередь его обслужить, забыла?

– Это еще как? – Сергей замер, недоуменно глядя на Абину.

– Ну... как умеешь, – равнодушно пожала плечами девушка. – Если не хочешь, чтобы живот лез на нос, значит...

– Стой! – перебил Сергей. – Я же плачу ему деньги! С какой стати нужно его ублажать?

– Принято так. Всегда так было, – Абина ловко сплюнула, затопив коричневой слюной ползущего по земляному полу серебристого жука. – Деньги само собой, но он же мужчина, ему нужно женщину. Сегодня твоя очередь, я слышала, как бабы говорили. Вчера он был с Матули, сегодня будет с тобой, завтра со мной. Не переживай – он быстро кончает и сразу засыпает. Почти всегда, если в настроении. Иногда, правда, больно делает. Зато помыться можно будет – если к себе позовет. Он любит чистых, бритых... Может, оставит до утра, покормит – как стараться будешь. Мне нравится, когда он у себя оставляет. И еда у него свежая. Не тухлая.

– Хватит жевать эту дрянь! – Сергей сморщился, рванув из рук Абины мешочек с черно-коричневой смесью, шваркнул наркотик в угол. – Сколько раз тебе говорил, нечего голову дурманить!

– Ай! – Абина соскользнула с топчана, бросилась на пол и, подхватив мешочек, сунула его за пазуху. – Ты чего?! Пожужеешь акран – и тебе не хочется есть, ты не чувствуешь боли, тебе хорошо! Ты же всегда его любила! Сама говорила: «Акран – наше счастье. Если бы не он, жить было бы невозможно». А теперь чего? Разлюбила?!

– Разлюбила! – хмуро подтвердил Сергей, но рот его наполнился слюной, а в голову пробралась дурная мысль: «А не попробовать ли эту пакость? Что я теряю?»

Мысль о наркоте с позором была отброшена, оставив место для более актуальной и важной мысли – о том, как не

оказаться в постели с каким-то громилой. Не хватало еще ЭТОГО. Лучше сдохнуть...

– Абина, успокойся, – Сергей спрятал кинжал в углубление под доской и похлопал рукой по топчану рядом с собой. – Ну-ка, расскажи мне – как устроен этот мир? Да сядь ты, дура! Не возьму я твой поганый акран! Жуи, если мозгов не хватает на большее!

– Не такой уж и поганый! – обидчиво парировала Абина. – Я за него двадцать медяков отдала! А ты на пол кидаешь! Сама дура! Купи – а потом кидай! Подруга называется!

– Ладно, ладно, извини... Твое дело – акран жевать или дерьмо. Расскажи, как устроен этот мир, – я ничего не помню. Кто такой Пиголь, откуда он тут взялся, и вообще – обо всем.

– А на работу? Где деньги возьмем на дом?

– Ну есть же деньги, хватит, – пожал плечами Сергей. – Считай, сегодня день отдыха. Должны же мы когда-нибудь отдыхать?

– Хмм... должны? Наверное... – Абина задумалась и прояснела. – Может, в тебя демон вселился? Я слышала, такое бывает! Нужно отвести тебя к колдуну, он изгонит демона за пять дуканов.

– Охренела? Какие демоны? Какие колдуны? Какие дуканы? У тебя что, полны мешки дуканов? Или, может быть, дуканов полна задница?

– Почему задница? – опешила Абина и тут же глупо за-

хихикала. – А! Поняла! Ты шутишь! Смешная ты, Сарана! Как демон в тебя вселился, ты смешная такая стала! Раньше злая была, а теперь не злая и смешная! Хи-хи-хи...

– Ну, все, развезло тебя, акранщица херова. Рассказывай, пока не свалилась! А еще про работу толкуешь! Какая тебе работа, когда ты еле шевелишься? После акрана!

– А он работе не мешает, наоборот – я так меньше устаю. А что рассказывать? Про Пиголя? Да он всегда тут был. Его хозяева поставили. Кто хозяева? Не знаю. Просто хозяева, и все тут. Он деньги собирает, следит, чтобы порядок был. Кто против порядка – бьет, может и в море сбросить, на корм чудовищам. Вот. Он из клана Намур.

– Сколько всего кланов?

– Десять. Высший – Ассан. Потом идет клан Агрук, Герен, Димур, Хедран, Ангок, Жагар, Эорн, Шамар и Намур.

– И чем они отличаются?

– Ничем. Все гады! – Абина хихикнула и сощурила глаза в блаженной неге. – Все суки. Убила бы всех.

– Это понятно. Я спрашиваю, кто правит и чем они отличаются между собой, – терпеливо повторил Сергей. – Кто главнее? Почему Ассан – высший?

– Потому, что он высший! – снова хихикнула девушка, пустив пузырь слюны из уголка рта. – Глупая ты какая! Боги сказали: Ассан – высший! Вот он и высший!

– Ясно, – вздохнул Сергей. – Пиголь, значит, в Намуре. Как он тут оказался?

– А ты у него спроси! – хихикнула Абина. – Как в постели с ним окажешься, так и спросишь! А он тебе расскажет! Если захочет! Дура, кто с нами говорить-то будет? Подстилки грязные, побирушки, говночистки – вот кто мы! Но когда я стану госпожой из клана – я буду сама таких, как мы, плеткой бить! А еще наберу молодых безклановых и заставлю себя убажывать! Они будут ползать передо мной, а я на них плевать буду! А потом убью кого-нибудь из них, а остальных заставлю смотреть! А еще...

– Хватит! – не выдержал Сергей. – Заткни пасть! Бодливой корове бог рогов правильно не дает. Запущенный случай. Эй, ты что, вырубилась?

Абина не ответила. Она лежала, запрокинув голову, и бессмысленно смотрела в потолок, улыбаясь, как младенец. На губах пузырилась коричневая пена, источающая запах тлена и пряной смолы, основы акрана.

Сергей так ни разу и не решился попробовать эту адскую смесь, хотя Абина не раз его соблазняла попробовать наркотик. Несмотря на то что Сергей всегда любил выпить, наркота вызывала отвращение – он слишком хорошо знал, во что превращаются наркоманы. И все сказки о том, что от одного раза ничего не бывает, – суть придумки наркодилеров, мечтающих заполучить очередного клиента в свои сети. Можно подсесть и с первого раза.

«Итак, что я имею? Ниже меня только бродячие собаки и кошки. Впрочем, ниже ли? Войти в клан как-то мож-

но, но как — я не знаю. Абина что-то знает, но такие крохи, что это не имеет значения. Считай — ничего не знает. Что я умею? Умею искать злодеев, совершивших преступление. Еще? Еще умею быть бандитом. Ведь если ты работаешь против бандитов, волей-неволей знаешь их привычки. Я — бандит?

И что? А кем ты был на Земле?

Не говори чуши — я был борцом с бандитами!

Хе-хе... Ты кому-нибудь другому рассказывай! Я — это ты! Ну да, каких-то ты ловил, но в основном что делал? Деньги? Что ты творил на своей «земле»? Вот не надо мозги крутить — был ты полубандитом-полументом, так что никаких сомнений по поводу того, как заработать деньги, у тебя быть не должно.

И что предлагаешь? Грабить? Убивать?

Грабить и убивать. Неужто вшей кормить в этой конуре? Теперь вопрос стоит не о том, как заработать денег, а о том, как выжить! Две недели ты тут, и что? Не посмотрелся? Кто сильный — тот и прав. Вот в чем правда, брат. Совсем не в правде! Что ты умеешь? Многое. Больше, чем вот эта курица, пускающая слюни на твою лежанку. Она даже мысли не может допустить о бунте против Системы! А ты можешь допустить. И не только мысль. Так что завтра, когда этот гад позовет тебя, чтобы позабавиться с молоденькой девочкой, — воткнешь ему нож в брюхо. Обыщешь. Заберешь деньги. Дашь деру. Язык ты теперь знаешь, устроишься как-

нибудь.

А что с Абиной?

А что с ней? Кто она тебе? Сестра? Любовница? Пусть так же таскается по тавернам, моет полы, стирает, дерьмо убирает. Все равно сдохнет, наркоша! Тебе какое дело до нее?

Мы вместе выживали, хлеб ели, она заботилась обо мне... нехорошо как-то.

Нехорошо штаны через голову надевать! А ты должен выжить, Серега! И доказать, что умный человек нигде и никогда не пропадет. Что, опять хочешь уйти в мир грез? В пьяный дурман? Как она? Как ты ушел в своем мире? Понравилось? Хватит дурыю маяться. Надо брать руль в свои руки, управлять своей жизнью! Реинкарнация, мать ее растак! Тут надо жизнь устраивать, а не отбывать наказание по воле каких-то там богов, чтоб их разорвало на части!»

Выплеснув ярость в споре с внутренним голосом, Сергей успокоился, закинул на топчан худые ноги, а так как девать их было некуда, кроме как положить на сопящую Абину, взгромоздил их ей на грудь, подложил под голову тощую, комковатую подушку и занялся тем, что получалось у него лучше всего, – ничегонеделанием. Впрочем, не совсем так. Обдумать дела надо? Надо. Без плана только по нужде ходят, да и то минимальный план имеется даже в этом случае.

Подумав минут пять, Сергей впал в протрацию и незаметно уснул. Голодный желудок его не беспокоил – до по-

ры, до времени. Полчаса назад Сергей засунул в него здоровенный кусок копченого мяса непонятного происхождения, купленный вчера на портовом рынке. Скорее всего, это было мясо одного из морских чудовищ, что, впрочем, было вдвойне приятно – пакостное существо пыталось сожрать Сергея, а не получилось! Сергей жив и ест подлеца! Так бы всегда в жизни – жив и жрешь врага... Увы, частенько бывает ровным счетом наоборот.

Разбудил Сергея стук в стену «дома». Громкий голос не оставлял сомнений о цели «гостя»:

– Эй, ты, тварь! Вылезай! Пиголь к себе требует! Пошевеливайся!

Молодой парень, чисто одетый, причесанный и вооруженный кинжалом, висевшим на поясе в лаковых черных ножнах, важно подпер бока обеими руками и, осмотрев «Сарану» с ног до головы, пренебрежительно сплюнул:

– Тьфу! И что хозяин находит в таких, как ты?! Почему не купить профессионалку, не понимаю! Быстро шагай, убогая! Хозяин ждать не любит!

Сергей едва успевал за высоким парнем, обутом в высокие кожаные сапоги, и следил лишь за тем, чтобы не наступить на какую-нибудь пакость типа рыбьей кости или шипа – обитатели трущоб не отличались чистоплотностью и валили помои прямо на улицу перед домами. Вот тут-то и могла подстеречь опасность. Получить даже небольшую рану в этом царстве антисанитарии равносильно самоубийству. Выжива-

ли немногие. Смертность в этом поселке была потрясающей. Два-три трупа поутру были здесь все равно какдохлаямышь на городской помойке – ничего удивительного.

Пиголь жил довольно далеко от «делянки», с которой собирал деньги, и жил, судя по дому, совсем даже недурно – высокий забор, увенчанный острыми пиками, навел на мысль о следственном изоляторе, в котором Сергей бывал не раз и не два, по долгу службы, конечно.

На воротах дома стоял парень вроде того, что был проводником Сергея, – даже внешне чем-то похож, возможно – брат, а может, случайное сходство. Такие же крепкие, добротные штаны, куртка, кинжал, коротко стриженные волосы, напоминающие прическу самого Сергея на Земле – по службе положена. Никаких тебе длинных волос, никаких хвостиков, как у многих бретеров, болтающихся по территории порта с делом и без дела.

Все это Сергей выхватил опытным глазом, отметив для себя расположение дома, окруженного другими такими же поместьями, – если придется бежать, то рассчитывать нужно только на свои быстрые ноги. Спрятаться, в общем-то, и некуда – голая мостовая, стены, глухие ворота, ни деревца, ни кустика.

То, что бежать придется, Сергей не сомневался – сегодня он решил поставить на кон все: свою постылую здешнюю жизнь, и... а что «и»? Что он теряет, кроме жизни? ТАКУЮ жизнь и потерять не жалко. Главное, чтобы живым не взяли.

Сергей видел в порту результат поимки супостата, покусившегося на хозяйское добро. Этот окровавленный кусок мяса, лишенный кожи, несколько часов ходил по территории порта, падая, подымаясь, распугивая вездесущих детишек и женщин, забредших в эту толкотню по разной надобности. Судя по рассказам знающих людей (а таковых в порту и на базаре более чем достаточно – тут все всё знают, даже если и не знают) – этого человека поймали в доме уважаемого жителя города, когда он пытался украсть деньги и драгоценности. На беду, хозяин дома застал вора «на горяченьком» – результат налицо. Или, скорее, без лица...

Не любят в городе грабителей. И воров. Потому две недели понадобилось Сергею, чтобы решиться на то, что он задумал. Какая-никакая, а все-таки жизнь. Его жизнь. И Сараны.

– Сюда иди! Быстро! – толстая женщина в натянутом на голову чепчике больно цапнула «Сарану» за плечо, затолкав в сырое, пахнущее помоями, паром и мылом помещение – что-то вроде бани. Посреди комнаты стояла огромная бочка, из которой шел пар, а рядом, на скамье, разложены тряпки, по виду похожие на выцветшее платье и полотенце. А еще лежал кусок мыла – дешевого, с запахом полыни, но такого желанного, такого... родного, что у Сергея сразу зачесалось давно немытое тело.

Впрочем, не так уж и давно – он старался мыться каждый день, обливаясь холодной водой из колодца. Не всегда удавалось это сделать – хозяева заведений, при которых работали

Сергей с Абиной, были не очень довольны тем, что поденщицы-нищенки устраивают помывки, тратя хозяйскую воду. Но Сергею все-таки частенько удавалось помыться под удивленным взглядом Абины, для которой тяга Сараны к мытью была чем-то странным, но укладывающимся в рамки представления о том, как ведут себя люди, одержимые демоном.

Ведь на самом деле – мойся, не мойся – ты что, изменишь свою жизнь? Станешь богатой и уважаемой? Выйдешь замуж за мужчину из клана и заживешь в своем доме? Какой смысл смывать с себя грязь – чтобы насильникам, если такие появятся, было приятнее тебя трахать?

Боги пока что уберегли Сергея и его подругу от насилия, хотя раньше такое случалось, и не раз, судя по рассказам Абины. Та частенько молила богов, чтобы при изнасиловании не забеременеть – в этом случае жизнь осложнялась до невозможности. Невозможности жить, конечно.

Едва не рыча от наслаждения, «Сарана» забралась в бочку, сопровождаемая руганью толстой бабы, требующей мыться быстрее, и начала смывать с себя пот, грязь, промывать волосы, пытаясь утопить в горячей воде насекомых, но безуспешно. Густые волосы таили десятки гадов вместе с их «детенышами», для повсеместного террора нужно средство покруче, чем горячая вода.

Вода пенилась, темнела от смытой грязи, и через десять минут Сарана перелезла через борт бочки, чтобы попасть в «объятия» другой женщины – молодой, сухой особы с глу-

боко запавшими глазами. Та занялась головой «Сараны», и через пять минут от густых косм нищенки не осталось и следа – короткая прическа, чуть длиннее, чем у охранников. На ощупь Сергей не понял, что ему устроили на голове, да и какая разница? Он-то не баба, хотя и в ее теле. Меньше всего его интересовали прически, как и то, имеются ли на ногах и других частях тела волосы.

Через пару минут он узнал, что отсутствие волос на ногах женщин есть результат диких мучений, а еще – что доставление этих самых мучений некоторым особо злым людям доставляет огромное удовольствие. Худая баба мерзко хихикала, когда срывала с многострадальных ног Сараны полотно с застывшим воском. Боль – ужасна, из глаз Сергея-Сараны сыпались слезы, что еще больше веселило двух мучительниц.

Как оказалось – на этом мучения не закончились. Что там было в рекламе про «зону бикини»? Эту «зону» уничтожили тем же самым зверским методом, и толстой бабе пришлось держать Сарану за плечи, а худой за ноги, так как нищенка пыталась врезать пяткой в лоб ближайшей мучительнице. Боль просто сводила с ума. После такой боли обмазывание головы едкой вонючей коричневой мазью казалось нежным дуновением ветерка, хотя голову жгло немилосердно. Видимо, мазь от вшей – сделал вывод измученный Сергей.

– Это платье надевай! Да побыстрее! – потребовала толстуха и могучей рукой двинула Сарану по спине так,

что шлепок, вероятно, было слышно и во дворе.

– Потыше, ты! – испуганно охнула худая женщина. – Хозяин ругаться будет! Переломаешь ей кости, у тебя рука тяжелая!

– Да ладно, – не смутилась толстуха, глядя, как на голой худой спине очередной «подстилки» краснеет отпечаток ладони. – После него она будет выглядеть ничуть не лучше. Он любит укрощать строптивых сучек. Кстати, она уже была месяца два назад – я помню этот шрам на боку. Я сама его притирала мазью. Хозяин неосторожно повеселился. Как ее тогда звали... Сара... Сарана, вот! Ты Сарана, эй?!

– Сарана! – проскрипел Сергей, натягивая на себя балахон, похожий на свой прежний, только чистый, почти белого цвета. Трусов не было – здешний народ, похоже, трусов не носил категорически. То ли цивилизация до этого не дошла, то ли таким отверженным, как Сарана, эта деталь гардероба не полагалась.

– Вот видишь! – обрадовалась толстуха. – А ты говоришь – зашибу! Она выносливая, как степной хреф, – ее так сразу не убьешь! Хозяин в тот раз измочалил ее – живого места не было, и вот, свежая, как утренняя роса! Эти твари из Винсунга живучие... жизнь научила. Так просто не убьешь. Все слабые сдыхают еще во младенчестве.

– Я все равно не понимаю – зачем хозяину эти грязные твари? – вздохнула худая. – Он может получить любую девушку. Только попроси... или заплати. Этих-то грязнух зачем?

Работа – понятно, он следит за порядком в Винсунге, но кувыркаться-то с ними зачем? Бесклановые твари, отбросы, как крысы! Спать с животными – это ли не извращение?!

– Тссс! Замолчи, дура! – цыкнула толстуха. – Услышит – шкуру спустит! И не посмотрит, что ты служила еще его родителям! Это его дело, с кем спать – хоть с овцой! Нравится – пусть! Никому не мешает, развлекается. И хватит обсуждать хозяина!

– Ну, я так... интересно же, – стушевалась худая, отвернувшись от Сараны, натягивавшей на ноги кожаные сандалии с деревянной подошвой. – Можно же просто поинтересоваться? Я бы сама не прочь... с хозяином. Только он и не смотрит на меня...

– Дура, – беззлобно повторила толстуха. – С тебя кружка пива! Другая напела бы хозяину о твоих предательских разговорах, а я вот молчу! Цени! И придержи язык... Что касается удовольствий хозяина – я тебе скажу одну вещь, а ты услышь и забудь: не все из этих грязных сучек возвращаются в свои клетушки. Иногда хозяин увлекается и отправляет их на Колесо Жизни, к новому возрождению. А попробуй, отправь на Колесо кого-нибудь из клановых! Сразу родня начнет канючить – денег за ущерб потребуют. А могут быть и еще бóльшие неприятности – брат объявится либо жених, а стрелу из-за угла никто не хочет получить. И кольчуга не спасет. Хозяин умен, осторожен. За бесклановую никто не вступится, никто не спросит, куда она пропала. Хо-

чешь мое мнение – всех бесклановых давно нужно перебить, а их вонючий Винсунг снести, сбросить в море – меньше вони будет. Вот только кто будет грязные работы выполнять...

– А ты не боишься, что в следующем перерождении станешь нищенкой из Винсунга? – со злорадным любопытством осведомилась худая. – И тебя так же вот сбросят в море, на корм чудовищам?

– С чего это я вдруг стану нищенкой? Ты говори, да за языком следи! – нахмурилась толстуха. – Я веду праведный образ жизни: и деньги в храм отношу, и не сплю с конюхом, как некоторые, изменяющие своему мужу. Вот за такие грехи как раз и можно родиться нищенкой! Такой вот подстилкой, как эта! Ты чего вытаращилась, дура портовая?! Услышу, что ты где-то болтаешь о том, что мы здесь говорили, – я тебе брюхо вспорю, гадина!

– Что-то ты с ней очень уж жестока, – задумчиво протянула худая. – Я заметила, как в твои руки попадает красивая девка, так ты сразу ее начинаешь давить, не так, что ли? Может, завидуешь красоте и молодости, а?

– Договорись ты когда-нибудь, точно! – толстуха задохнулась от ярости и покраснела. – Вперед пошли, девка! Сейчас хозяин из тебя дурь выбьет! Исполняй все его указания, иначе отсюда больше не выйдешь!

Сергей пощупал кинжал, который спрятал за поясом, и вздохнул – похоже, что задача будет труднее, чем ему думалось. Судя по разговорам этих двух баб, Пиголь не отли-

чался добротой и доверчивостью. Одно хорошо – кинжал сохранил, не нашли. Если сказать точнее – и не искали, даже в голову не пришло, что нищенка может прийти вооруженной. А в то время, когда две противные бабы занимались перебранкой, Сергей незаметно переложил кинжальчик за широкий пояс, который стягивал платье на талии. Если бы не эта полоска ткани... Впрочем, пояса здесь были у всех – это и кошелек, и украшение, и деталь одежды, скрывающая то, что нельзя показать окружающим. Например – вот такой кинжал, непонятно как оказавшийся у Сараны. Судя по разговорам Абины, этот ножичек они с Сараной то ли нашли, то ли украли...

* * *

– Сюда иди! – мужчина был воистину огромен, и Сергей внутренне поежился – с кинжальчиком на этот танк? Не погорячился ли он?

– Ну, что встала как столб? Садись к столу, можешь налить себе вина! – Пиголь привстал на кушетке, пошатнулся и плюхнулся назад, вскинув ноги вверх. Он явно был тяжело пьян, не держался на ногах, но глаза его смотрели прямо, ясно, будто изнутри выглядывал абсолютно трезвый, разумный человек. Этот человек следил за вошедшей так, будто это была не худенькая девушка, а лесной зверь, каким-то чудом пробравшийся в отделанную розовым деревом комнату.

Сергей прошел к столу, сел, взял в руку бутылку темно-зеленого стекла, привычно, с хлопком выдернул пробку и, отыскав взглядом хрустальный бокал, налил густой темной жидкости, терпко пахнувшей травами. Поднес к лицу тяжелый кубок, понюхал, отпил глоток. Вино отдавало смолой, но было вполне приемлемым на вкус, хотя могло быть и лучше.

– Понравилось? – криво улыбнулся Пиголь, наблюдая за девицей, которая вела себя так, будто находилась в гостях у старого друга, а не пришла удовлетворить прихоти жестокого мужлана.

– Ничего... неплохое вино. Хотя слишком отдает смолой.

– И мне так кажется, – поднял брови Пиголь. – Этот Данас жулик еще тот! Вместо хорошего вина подсунул несколько бутылей проходного, для грузчиков. Пора научить его уморазуму! Сломаю башку – будет знать, как обманывать клиентов! Вот народ... твари, а не люди! И деньги платишь, не скупишься, и все равно норовят обмануть – за мои же деньги! Как считаешь, нужно таких наказывать?

– Нужно, само собой, – невозмутимо кивнул Сергей. – Только вот башку ломать ему глупо. Не лучше ли заставить его заплатить некоторую сумму, чтобы возместить ущерб? Пусть отдаст за бутылки вдвойне – еще и за душевные страдания. Ты ведь расстроился, когда выпил гадкого вина, – вот и ущерб. Пусть платит. А чтобы неповадно было другой раз – пусть платит постоянно. Каждую неделю. Небольшую сум-

му, посильную.

– А с какой стати он будет платить? – усмехнулся настояжившийся Пиголь. – Кликнет стражу, и все тут. Как заставить?

– Способов более чем достаточно, – подняла брови «Сарана». – Например, узнать, кто ему возит вино. Встретить и припугнуть. Также можно поджечь конюшню. А лучше всего – нанять группу пьяниц, которые каждый вечер приходили бы к этому Данасу и устраивали там погром. Через неделю посетителей поубавится. А тогда можно подойти к трактирщику и предложить устранить проблему, защитить его. И он будет платить за защиту. Вот так...

– Ты кто? – трезвым голосом спросил Пиголь, садясь на край кушетки. – Я помню тебя! Ты говорила по-другому, и такие вещи никогда не пришли бы тебе в голову! Кто ты?!

На Сергея вдруг накатило вдохновение, и по коже прошли мурашки – шанс? Это шанс?! И он бросился с головой в холодный омут.

– Я демон. Мое имя Серг... Серг Саж! Каким-то образом я попал в это тело и теперь не могу отсюда выбраться. Мне нужна помощь, я многое знаю, многое умею, но мне нужна поддержка.

– Демон! – выдохнул Пиголь, вытаращив глаза и судорожно хватаясь за меч, лежавший возле изголовья кушетки. – Ты пришел меня убить?! Забрать мою душу, чтобы она вечно скиталась и не попала на Колесо Жизни?

– Да брось ты меч! – досадливо бросил Сергей, с опаской косясь на зажатый в дынеобразном кулаке блестящий клинок. – Не хочу я тебя убивать. Сейчас не хочу. Мне нужна твоя помощь, а я помогу тебе...

– Какая тебе нужна помощь и чем ты можешь помочь мне? – повторил Пиголь, не сводя с девчонки глаз. Ему на секунду показалось, что над головой нищенки засветился ореол, а глаза сделались красными, как угольки. Недаром легенды говорят, что демоны суть производное Преисподней, в них пылает огонь, отчего они светятся, как пламя очага. Он встряхнул головой – нет, девчонка как девчонка. Вот только говорит странно, не так, как положено неграмотной грязной нищенке.

– У меня есть знания другого мира. У тебя власть, деньги. Я могу помочь тебе заработать больше денег, взять больше власти. Ты дашь мне безопасность, деньги, крышу над головой. Я буду на тебя работать, и ты разбогатеешь!

– Я и так богат... достаточно богат. У меня есть все, что мне нужно. Зачем мне больше? И еще – как ты докажешь, что все, сказанное тобой, правда? Может, ты просто нищенка, которая решила меня обмануть? Как докажешь?

– Не знаю, – пожал плечами Сергей. – А как я должен доказывать? Высунуть рога? Постучать копытами? Как? Сiju в теле девчонки и ничего не могу с этим поделать. Я мужчина, и представь себе – попал в тело женщины! Кошмар!

– Мда... кошмар... – прищурился Пиголь. – Подожди...

ты сказал, что пришел меня убить? Это как? Как ты соби-
рался меня убивать? Магией? Ты – маг?

– Нет, не маг, – вздохнул Сергей. – Хотел тебя зарезать,
собрать деньги, которые найду в комнате, а потом сбежать
и начать новую жизнь. Вот. Ну а что мне еще делать?

– Действительно – а что тебе еще делать?! – захохотал Пи-
голь. – Зарезать и сбежать! Ох, уморил! А осилил бы? Заре-
зать-то меня? Да ты против меня втрое меньше!

Сергей медленно потянулся к поясу, незаметно вытащил
кинжал и легким движением метнул его в стену рядом с голо-
вой Пиголя. Кинжал со стуком вонзился в деревянную лаки-
рованную поверхность, покрытую резными узорами, и смех
застыл на губах хозяина дома.

Долгие часы тренировок при масляном фонаре и свечах
дали свой результат – через две недели Сергей попадал пять
раз из пяти туда, куда хотел. Всегда, из любого положения.

Вообще-то на способности человека к чему-нибудь боль-
шое влияние имеют обстоятельства. Хочешь выжить – не так
раскорячишься, как сказал один из киногероев. И Сергей ко-
рячился как мог. Кинжальчик, некогда подобранный и спря-
танный Сараной, бесспорно мог в этом помочь.

– Хмм... – Пиголь тронул пальцем короткую рукоять,
и нож задрожал, будто злясь, что не попил крови. Двумя
пальцами громила вытащил оружие из стены, поморщился: –
Красивый жест, да. Только стену жалко! Ты знаешь, сколь-
ко мне стоила эта стена? Мастер Гиссуль кровь у меня вы-

пил за эту стенку! А ты в нее зубочисткой! Это ничего не доказывает, хотя и удивляет – такой ловкости за тобой раньше не замечал. Думаешь, откуда я знаю? Я все знаю, демон. Это мой поселок! Мои люди! Я должен знать о них все. Хочешь еще выпить? Пей. Легче будет умирать. Что так вскинулся? Теперь ты безоружный, да. Можно и прибить. Только вот какая незадача – ты и с кинжалом, скорее всего, со мной бы не справился. Понимаешь, какое дело... человек сразу не умирает. Я бы успел добраться до тебя и порвать, даже если бы ты ткнул в меня этой зубочисткой. Но допустим, что ты так ловко меня бы прирезал – а как бы вышел отсюда? Нагруженный деньгами, которых тут нет. Ты и вправду думал, что я храню их дома? Тогда ты просто дурак. А дураков у меня хватает и без тебя. Хотя то, что ты говорил про трактирщика, заслуживает внимания. Интересно, очень интересно. Знаешь, в моей жизни не хватало чего-то эдакого, забавного. Говоришь – демон? А вот мы проверим – я знаю как!

Пиголь протянул руку и дернул за шнурок, свисающий со стены.

Сергей вначале принял этот шнурок за деталь интерьера – тот сливался с другими шнурками, золотистыми, голубыми, зелеными, свисающими с небольшого столика у кушетки.

Где-то в глубине дома прозвучал сигнал, что-то вроде гонга, как на боксерском ринге. Пиголь замер на месте, продолжая пристально смотреть на «Сарану», напряженно застывшую за столом и лихорадочно решающую, как отбиться

от беды неминуемой. Через минуту дверь распахнулась, пропустив того самого парня, что вел Сергея до дома Пиголя.

Хозяин дома поднялся с места – он уже не шатался, будто и не был пьян всего полчаса назад, подошел к охраннику и без замаха, коротко ударил его в лицо, да так, что нос хрустнул под тяжелым кулачищем. Парень врезался в стену, сполз по ней, заливаясь кровью из расплющенного носа, пустил несколько красных пузырей и застыл на полу, беспомощно свесив голову на грудь. Пиголь поднял его, как котенка, прислонил к стене и дважды ударил в бок, раздался хруст – минимум два ребра было сломано – это Сергей определил мгновенно, даже не будучи врачом. Он знал, как легко ломаются ребра, если удачно ударить в нужное место, – сам бил, и не раз.

Пиголь отошел к кушетке, взял со столика кувшин с какой-то жидкостью – видимо, водой, – вернулся к поверженному парню и вылил весь кувшин ему на голову. Парень захрипел, забулькал, дернулся и непонимающе открыл глаза, глядя на хозяина:

– Что?! За что?

– Как у нее оказался кинжал? – холодно спросил Пиголь, и на его широких щеках прокатились желваки. – Ты почему не проверил, не обшарил эту бабу?

– Я... я... – залепетал охранник, но Пиголь прервал его пинком в зад.

– Заткнись, тварь! Еще раз такое допустишь, и ты труп!

Понял?

– Понял, хозяин! – перекосялся от боли охранник. – Больше такого не повторится!

– Теперь шагай к мастеру Лоо, срочно его сюда, – холодно добавил Пиголь. – Можешь у него полечиться. За свой счет. И скажи спасибо, что я тебе глотку не перерезал! Бездельник...

– Спасибо, хозяин! – парень с трудом, пошатываясь, поднялся, угодливо согнулся в поклоне и скрылся за толстой дверью, тоже расписанной узорами, сценами из охоты на дикий зверь и картинками с морскими чудовищами.

Снова стало тихо. Прожужжала муха, села на нос Пиголю, он лениво отогнал ее рукой, потом взял меч и, прищурив левый глаз, прицелился... хлоп! Плоскостью меча. Муха скончалась на кушетке, не поняв, что уничтожена святым воинским клинком – почетно! Не то что другие мухи, убитые мокрой тряпкой! Впрочем, что для мух, что для людей – какая разница, как умереть? Главное, чтобы поменьше мучиться.

Про мучения – это пришло в голову Сергею легко и непринужденно, после того, как хозяин дома показал, насколько он быстр на расправу. А еще подумалось – кто такой мастер Лоо? Запленных дел мастер? Палач? Конечно, скоро это будет ясно, но хотелось большей ясности...

– Интересный сегодня день, – ухмыльнулся Пиголь. – Я-то хотел всего лишь тебя поймать, потом снова нажраться

и спать. Все как обычно, все скучно и обыденно. А оно вон как обернулось! Интереснее, чем если бы я смотрел бродячих комедиантов. Мда...

Пиголь помолчал и задумчиво спросил:

– Скажи, демон, а как выглядит ваш мир? Он что-то вроде печи? Огонь везде, да? Жарко?

– Почему жарко? – сразу не понял Сергей и догадался. – А! Понял! Нет, мой мир называется Земля. Где-то жарко, а где-то и нет. Мы летаем по воздуху, передвигаемся по суше – очень быстро, на машинах – это такие повозки без лошадей. Они могут двигаться быстрее, чем скачущая лошадь, в несколько раз. Под водой плаваем – на специальных лодках...

– А оружие, какое у вас оружие?! – глаза Пиголя загорелись, он действительно заинтересовался.

– Страшное оружие. Одним выстрелом можно уничтожить целый город. Люди испаряются в пламени, как капли воды. Дома падают, земля плавится... ужасное оружие. Демоническое.

– И ты можешь сделать такое оружие?! – счастливо выдохнул Пиголь.

– Нет, – кисло ответил Сергей. – Не могу. Не умею. Знаний таких нет. Скажи, Пиголь, а что это за мастер Лоо? Чем занимается?

– Узнаешь! – хихикнул мужчина. – Все узнаешь.

Мастер Лоо оказался старичком благообразного вида

и неопределенного возраста. Он вошел в комнату Пиголя, как к себе домой. Важный коротышка, чуть выше пупка хозяина дома. Благодаря своей важности он почему-то казался выше, чем был, возможно, потому, что сам Пиголь хоть и смотрел на него снизу вверх, но с огромным уважением.

Старикашка сразу взял дело в свои руки. Он подошел к «Саране», схватил ее за нос, заглянул в глаза и, обернувшись к Пиголю, сердито буркнул:

– Опять с девицей позабавился? Я в прошлый раз ее едва откачал! Ты когда пьян – делаешься совсем дурной, Пиголь! Тебе нужно прекращать пить! Удивляюсь, как тебя еще мозговой удар не хряпнул! Твои родители дали тебе могучее здоровье, может, хватит испытывать его на прочность?

– Мастер... мои родители дали мне только здоровье. И больше ничего, – прищурился Пиголь, усаживаясь на кушетку. – Всего, что у меня есть, я сам без родителей и советчиков добился. Хватит меня учить жизни. Я тебе плачу, ты мне помогаешь, так? Достаточно плачу?

– Достаточно, – тоже прищурился Лоо. – Но можно было бы и прибавить. Ты стал слишком часто меня вызывать – то к себе, то к своим... куклам.

– Не говори ерунды, мастер... – внезапно ощерился Пиголь. – Мои куклы тебе тоже по нраву, нет?

– Замолчи! – Лоо вдруг стал похож не на благообразного старичка, а на ошетилившегося кота. – Еще слово, и я больше никогда здесь не появлюсь! Мои дела – это мои дела! И ты

в них нос не суй! Прищемлю! Взяли моду лезть не в свое дело, поганцы!

– Ладно, ладно! – вдруг стушевался Пиголь. – Не для того я тебя позвал, чтобы обмениваться «любезностями». Посмотри на эту девицу, ничего странного не замечаешь?

Лоо подошел к «Саране», бесцеремонно схватил ее за шкуру и поднял со стула. Потом дернул подол платья вверх, до самой шеи, осмотрел со всех сторон и, пожав плечами, с сомнением сказал:

– И чего такого? Девка как девка. Худовата, на мой взгляд, и слишком жилиста. Я люблю девок помягче, на этой можно ушибиться о кости. Строение тела в норме, раны зажили – и та, на боку, тоже. Кожа розовая, чистая, девка в хорошей форме. Хотя я и не приветствую удобу у женщин, но не отказался бы попробовать ее в постели.

– У тебя еще не угасло желание? – криво усмехнулся Пиголь, видимо, мстя Лоо за лекцию о правильном образе жизни. Стрела попала в цель, так что мастера перекосило от злости:

– Когда-нибудь я напущу на тебя такую порчу, что твой «дружок» не будет работать до конца твоей жизни! Тогда договоришься!

– Мастер, еще раз – посмотри на эту девицу и скажи, что ты видишь! – нахмурился Пиголь. – Нельзя же быть таким поверхностным! Я тебя когда-то вызывал по пустяковым поводам? Скажи!

– Нет, не вызывал, – Лоо закусил губу, прищурил левый глаза и снова вперился в пупок безмолвному Сергею, стойчески переносившему процедуру осмотра. Саже хотелось треснуть мерзкого старикашку по лысой макушке, но он сдерживался – по понятным причинам. Пиголь не зря ведь опасается эту мартышку? Наверняка не зря.

Лоо бросил подол «Сараны» – к облегчению Сергея, – отошел на три шага назад и вдруг сделал странный пасс руками, будто разрубая воздух – левой рукой наискосок, правой вертикально, сверху вниз. Потом крутнул обеими руками, будто наматывая на них невидимые нити, и замер, с жадностью вглядываясь в Сергея. Его молчание продолжалось секунды две, затем глаза Лоо расширились, и внезапно охрипшим голосом он проговорил:

– Неужели?! О боги! Я столько раз пытался, и бесполезно! А тут какая-то нищенка и...

– Что, что ты видишь? – перебил сбивчивую речь колдуна Пиголь. – Что, говори!

– В этом теле две души, – выдавил из себя старик. – Одна светится ярко, странным светом, не похожим на свет души людей. Вторая душа тусклая, ее почти нет, как будто кто-то стер меловой рисунок с ученической доски. Еле-еле заметна. Если бы я не был искушен в душевном свете, даже не заметил бы ее след. Цвет новой души, как я уже сказал, не похож на цвет души людей. Красный, с всполохами синевы – я никогда такого не видел! Эй, ты кто?

– Сам пытаюсь это понять! – саркастически воскликнул Сергей, вдруг обнаруживший в себе невероятный, грызущий внутренности голод. Схватив из блюда небольшой пирожок, Сажа набил себе рот, под пристальными взглядами собеседников с жадностью прожевал и проглотил пирог, не замечая вкуса начинки.

– Говорит – демон! – Пиголь тяжело вздохнул и снова уселся на край постели, постукивая толстыми пальцами по колену. – Из другого мира. Вот я и позвал тебя, мастер, чтобы определить – правда ли это демон и откуда он взялся. А еще – чего от него ожидать. Кстати, демон признался, что пришел ко мне, чтобы убить и ограбить. Так-то вот.

– А что – это укладывается в теорию о демонах, – важно кивнул Лоо. – Демон суть зло, он и должен творить бесчинства. Иногда, делая зло, он совершает добро. Например, убьет тебя, разве это не добро с точки зрения многих людей?

– Ты говори, да ерунду не неси! – фыркнул Пиголь. – Может, если грохнуть тебя, тоже добро?

– Может, и добро, – снова кивнул Лоо. – Это как посмотреть. Вот я сегодня на обед ел молодого барашка. Кто я с точки зрения барашка? Воплощенное зло. А с моей точки зрения? Ученый, исследующий магию и вынужденный для пропитания обслуживать всяких идиотов, не отличающих знака гуки от знака гекай! Потому ученые люди говорят, что нет абсолютного зла, но есть те, кто делает больше зла, чем добра. Вот их и называют демонами. И не важно –

из нашего они мира или из другого.

– Хватит мне твоих заумных рассуждений! – снова ощерился Пиголь. – Мне нужно знать, чего от него ждать и ждать ли чего-нибудь плохого?

– А я знаю? – мстительно хихикнул мастер. – Может – добро, а может – зло. Вся суть в том, что сразу определить невозможно. Может, он призван, чтобы тебя уничтожить. Или облагодетельствовать. Только боги знают! Да он сам.

– Толку от твоей болтовни?! – взъярился Пиголь. – Вот ты сам понимаешь, что наговорил? Мне что теперь, у него самого спрашивать? Демон, ты зачем мне дан?

– Почему бы и не спросить, – равнодушно пожал плечами Лоо. – Раз он тут появился...

Колдун помолчал и вдруг просиял:

– Подожди-ка... сейчас попробуем кое-что! Ну-ка, ну-ка...

Лоо достал из сумочки, прикрепленной к поясу, пузырек с желтоватой маслянистой жидкостью, подбежал к «Саране» и протянул ей бутылочку, вынув светлую высокую пробку:

– На-ка, глотни! Да не бойся, ничего не будет! Всего пару капель! Ну! Давай! Да не бойся, демоны тебя за... хмм... пей!

Сергей с опаской взял бутылочку в руку, понюхал – пахло каким-то ароматическим маслом и еще чем-то пряным, незнакомым. Яд? Вряд ли... травить они не будут, по крайней мере пока.

Запрокинул бутылочку, капнул на язык – вначале защипало, потом наступило онемение, но скоро прошло. Чем-то напоминало действие кокаина – Сергей пробовал его на язык, когда взяли одного кадра в ночном клубе.

Лоо тут же, после того, как жидкость оказалась во рту испытуемого, замахал руками, забормотал, и Сергей с удивлением заметил, как от рук колдуна в воздухе остаются следы – линии: огненные, золотистые. Они переплетались, складывались в прихотливые фигуры, снова растворялись в воздухе, и через несколько секунд после приема снадобья в голове Сергея зашумело, как после пузыря коньяка. Голоса стали далекими, тихими, будто слышались сквозь толстый слой ваты.

А еще – настало веселье! Радость! Смех вылетал изо рта звонкими колокольчиками, и Сергей не мог, да и не хотел останавливаться! Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

– Чего это она? – Пиголь настороженно посмотрел на заливающуюся звонким хохотом девицу и на всякий случай положил руку на меч – не дай боги бросится и покусает. Она ведь одержима демоном, а что у демонов на уме? И вообще – может, одержимые становятся ядовитыми?

– Не обращай внимания, – махнул рукой Лоо. – Закливание правды плюс сыворотка подчинения, а это так... бывает. Это нормально. Сейчас мы допросим твоего демона. Но, кстати, тебе это встанет в копеечку. Три укана.

– Да ты охренел! За три укана я наасса в поле загоняю

до смерти! Мастер, ты совсем зарвался! – Пиголь пылал благородным гневом, и только когда заметил, что колдун собирается сделать какие-то пассы, остановился и настороженно спросил: – Чего ты делаешь?

– Хочу снять действие заклинания, чего же еще? Я применил заклинание восьмого уровня, а ты не можешь заплатить жалкие три укана? Если бы не некоторые обстоятельства, я бы сейчас служил при самом геренаре, а приходится за жалкие три монеты оказывать услуги тем, кто не ценит работу настоящего волшебника! Да хрен тебе, а не допрос демона! Может, это был твой шанс подняться в высший клан, встать на одну ступеньку с геренаром, а ты пожалел три укана? Крохобор! Так и сиди в своем жалком домишке, жадное животное!

– Эй, эй, потише ты... – сбавил тон Пиголь. – Я не хотел тебя обидеть, но это и правда многовато. Ладно, дам тебе три укана. Допрашивай девку. Долго продлится действие заклинания?

– Зависит от организма того, кто принял сыворотку. Это выжимка из ядовитой железы морского синопуса, перегнившая в теплом месте без доступа воздуха в течение полугода. Ценная вещь. Потому и цена высокая. Я редко ее применяю, она усиливает действие заклинания правды, и...

– Мастер, к делу! – с досадой буркнул Пиголь. – Потом все подробности! Сейчас кончится действие заклинания, и...

– Да, да! – заторопился маг. – Итак, скажи мне, демон,

как тебя звать?

– Сергей Яковлевич Сажин.

– Сергей Яковл... тьфу! Язык сломаеть! Настоящий демон! Ты чем занимаешься в своем мире, демон?

– Злодеев ловлю.

– Чего? Ты на нашем языке говори, не на демонском!

Чем в своем мире занимаешься?

– Ловлю злодеев. Живу.

– Стражник, что ли? – догадался Лоо.

– Полицейский.

– Поли... стражник, похоже на то. Сложное дело – он отвечает так, как ему удобнее.

– Время, мастер! Спроси – что он хочет от меня и зачем!

– Демон, зачем ты пришел к Пиголю?

– Ограбить его, возможно – убить.

– Зачем?

– Чтобы хорошо жить, чтобы выбраться из нищеты.

– А теперь ты хочешь его убить?

– Нет. Хочу под его крышей заработать много денег и выбраться из нищеты.

– А зачем ты ему?

– Я много знаю. Я умный и знающий. Я помогу ему заработать много денег, он мне даст часть этих денег. И всем будет хорошо.

– Ну, это утверждение спорное, – вздохнул Лоо. – Всем хорошо быть не может. Если кому-то хорошо, значит, друго-

му совсем хреново. Испытано. Ну, вот и все, Пиголь. Я сделал то, что обещал. Демон тебе не угрожает, он собирается помогать, зарабатывать деньги. Не знаю, правда, как он сумеет это сделать, но то, что он говорит, – не вранье. Под закливанием, да еще и с сывороткой, соврать невозможно. Давай сюда деньги. Ага... полновесные? Вижу, вижу... старые, хорошие уканы. В нынешние все больше серебра суют, негодяи. Испортились люди, разворовывают казну, не заботятся о народе. Что за времена настали?! Вот прежде...

– Хватит мне про старые времена! – поморщился Пиголь. – Он не загнется? Глянь, у него... или у нее – хрен поймешь теперь! – слюни текут! Это что, нормально так?

– Нормально. Отлежится часа три, встанет, как румяный пирожок. Как твой «дружок» после моего снадобья, а?! Ха-ха-ха... Принимаешь снадобье? Только не переусердствуй, понемногу пей, иначе...

– Знаю, хватит!

– Кстати, а чего ты своего человечка так избил? Пришлось нос ему вправлять, ребра сломал – сразу три! За что такое наказание?

– Было за что. Не обыскал девку, и она с кинжалом ко мне пришла. Могла напасть – и хотела напасть. За такое вообще нужно убивать! Кстати, а может, демона на цепь посадить? И пусть выдает демонские тайны?

– Не советую, – задумчиво покачал головой Лоо, – демон, когда работает по доброй воле, больше пользы прине-

сет. А так может напакостить. От обиды. Нет – ты с ним лучше полюбовно договорись. Понежнее с ним, понежнее... Эй, не ТАК понежнее – если это на самом деле мужчина, очнется, узнает – всю жизнь тебе мстить будет! Идиоты, вокруг одни идиоты! Все, я ушел. Потом зайду – мне нужно поговорить с твоим демоном.

Дверь за магом закрылась, в комнате остались Пиголь и потерявший сознание Сергей, которого хозяин дома переложил на свою постель.

Пиголь уселся за стол, налил себе большой бокал вина, залпом выпил, рыгнул и, закусив крабовым мясом, задумчиво покачал головой. Чем это все закончится? К чему тут оказался этот демон – к добру ли?

Глава 3

– Короче! Короче стриги! Вот так! – Сергей посмотрел в маленькое зеркальце и удовлетворенно вздохнул. Да, так и нужно. Странно, конечно, видеть в зеркале физиономию девицы вместо своей широкой морды, но что теперь поделаешь? Но еще не вечер, нет! За две недели, что он находился в этом мире, Сергей убедился – здесь есть магия. И это не сказки, не шарлатанство – точно есть! Абина показывала ему магов – те ходили в особой одежде, похожей на форму прокурорских – синей. Единственное отличие – узоры по голубому фону. Опять же Абина пояснила, что по этим узорам виден уровень мага. Маги пониже рангом расписывали костюм медными нитями, повыше – серебряными, еще выше – золотыми. Однако чем эти маги разнились друг от друга, как отличались их уровни, Абина не знала, и, значит, не знал Сергей.

Сегодня ему предстояло идти к главе клана, вернее – не к самому главе, а к одному из его заместителей, тому, что ведал приемом в клан. Это стоило довольно дорого – десять уканов, то есть десять золотых монет. Сергей ведь не был рожден клановыми людьми, а посему за «гражданство» нужно платить.

Пиголь взялся оплатить вступление в клан по понятным причинам – с руганью, скрежетом зубовным, но согласился.

А куда деваться? В противном случае «демон» не имел права на ношение оружия, не имел никакого социального статуса, а значит, не мог применить тех знаний, которые якобы принес из своего мира в этот.

Самое интересное, Сергей сам пока не знал, чем же он может облагодетельствовать своего работодателя, чем его обогатить. Знания о Земле? О технике? А что толку от них в средневековом обществе? Единственное, что было возможно, – привнести сюда кое-какие схемы зарабатывания денег, в том числе и криминальные. Этот мир был девственен на этот счет. Отъем денег у населения заключался в открытом грабеже, и до сих пор никто не объединил шайки в одно целое, в одну преступную организацию. Вот этим Сергей и собирался заняться.

Как оказалось, никаким «хозяевам» Винсунг не принадлежал. Сам Пиголь, договорившись с городской властью, выстроил на берегу моря «курятники», в которые стал приглашать бездомных – за мизерную плату. Вначале, десять лет назад, бездомные настороженно шли жить в эти домишки, потом же для многих этот отстойник, эта клоака города стала единственным местом существования. Во многом способствовало то, что Пиголь железной рукой подавлял любые проявления агрессии по отношению к жителям Винсунга на его территории. Именно – на его территории. За ней – делай с нищими, что хочешь. Но если бездомный вошел в Винсунг – ни грабежей, ни убийств, ни воровства. Поймают – от-

правишься к морским чудовищам. Пиголь сам расправлялся с преступниками или же посылал подручных, которых у него было не менее трех-четырёх десятков. Своя небольшая армия здоровенных туповатых парней, вооруженных по всем передовым технологиям этого мира – от кинжалов и мечей до арбалетов и луков последних конструкций.

В молодости Пиголь пытался заняться торговлей, но прогорел. Потом служил наемником, участвуя в межклановых войнах, переходя с одной стороны на другую, но когда получил серьезное ранение (копье вошло ему в живот и вышло с обратной стороны, едва не задев жизненно важные органы), решил, что военное дело слишком обременительно и нужно заняться чем-то более чистым. Так родился проект «Винсунг».

И не так просто родился – идею ему подсказала девка, с которой он как-то кувыркался в постели за один серебряник. Она сказала: «Глупые люди не понимают, что лучше взять по медяку у тысяч нищих, чем пытаться взять у богатых разом много денег! Нищих много, богатых мало, и они жадны. Нищие легко отдадут свой медяк, богатых трудно заставить расстаться со своими деньгами! Тот, кто это поймет и найдет способ, как заставить нищих отдать свой кровный медяк, – разбогатеет!»

Сообразительная была девка. Но не настолько умная, чтобы не работать в портовом борделе, – пьяный матрос, обкурившийся ко всему прочему крепкого акрана, разбил ей го-

лову дубинкой, обороняясь от привидевшихся ему демонов с песьими головами и щупальцами вместо рук.

Пиголь запомнил ее откровения, и в один прекрасный момент в голову стукнула замечательная мысль – Винсунг!

Сказано – сделано. Через месяц на берегу моря выросли ряды клетушек. А через пять лет Пиголь стал одним из самых богатых и уважаемых людей города. Уважаемых в определенных кругах, конечно. В высшее общество путь ему был заказан. Почему? Потому что, во-первых, он происходил из самого низкого по статусу клана, во-вторых, богатство досталось ему таким грязным способом, что даже трактирщики были выше его по статусу – они ведь имели деньги не с бесклановых нищих, а с добропорядочных (и не очень) клановых людей.

Впрочем, на жизнь Пиголя это не оказывало никакого влияния. Большой дом, слуги, любая еда и одежда, украшения – все было к его услугам.

Пиголь не особо жадничал. Ему всего хватало. Всего – кроме власти, кроме той призрачной цели, о которой мечтает каждый предприниматель: подняться выше, встать на одну ступеньку с сильными мира сего, вершить судьбы этого самого мира. Он не позволял себе мечтать о подобном, его мозг был достаточно развитым, чтобы понимать несбыточность этих желаний, но... вдруг появляется «демон», обещающий ему золотые горы! Почему бы и не попробовать? В крайнем случае что он теряет? Небольшую сумму денег,

вот и все. Винсунг никуда не денется, он всегда будет приносить доход, и немаленький – строятся все новые клетушки, нищие размножаются, как крысы, только собирай деньги, веди график платежей, следи, чтобы все платили вовремя.

Так понимал ситуацию Сергей и тоже не обольщался: если он в короткие сроки – например, через полгода – не докажет Пиголю свою полезность, то... Думать о том, что будет после, не хотелось. Будет плохо, очень плохо. И не спасет Сергея статус «страшного демона из Преисподней» – убьют, да и все тут.

– Что за мода девке стричься, как пареньь?! – недовольно фыркнула толстуха и больно ущипнула Сергея за бок, потом ткнула его в плечо, скорчив презрительную физиономию. Сергей поморщился, встал и со всего размаху засветил толстухе кулаком в толстые, как пирожки, губы. Этот удар всегда получался у него хорошо, и даже с этим, тщедушным по сравнению с прежним, телом эффект превзошел ожидания – толстая баба, не ожидавшая нападения, улетела в угол, сбив этажерку с плошками, бутылочками и какими-то порошками. Из уголка ее рта потекла тонкая струйка крови, и толстуха, бессмысленно таращась белесыми глазами на «Сарану», ошеломленно спросила:

– А?! Что?! Что такое?!

– Еще раз вякнешь что-то про меня – я тебе уши обрежу! – голос «Сараны» был холоден, как лед горных вершин, и спокоен, как море в штиль. – Я для тебя госпожа Серг, запомни,

тварь! Прикоснешься ко мне хоть пальцем без моего разрешения – я тебя на полоски распущу! Запомнила? Молчишь?

Сергей подошел к сидящей на полу толстухе и с размаху носком пнул ее в бок:

– Отвечать надо, когда тебя госпожа спрашивает! Ты запомнила?

– Запомнила, госпожа Серг! – обалдело выдохнула напуганная женщина, и удовлетворенный Сергей сел на место, кивнув закусившей губу худой бабе, которая, собственно, и делала ему прическу. – Продолжай, да поаккуратнее!

– Что тут происходит? – Пиголь заполнил дверной проход своей массивной фигурой и, войдя, покосился на утирающую кровь толстуху. – Что с тобой, Жевена?

– Это она меня ударила! – толстуха с ненавистью ткнула в сторону Сергея.

Пиголь ухмыльнулся и пожал плечами:

– Ударила, значит, было за что. Серг, ты готова?

– Почти. Медленно возятся! – недовольно бросил Сергей, осматривая себя в зеркало. – Все, хватит! Нила, отвали от меня! Быстрее надо было работать!

Вскочив с места, Сергей быстро пошел к двери и вышел следом за тяжело шагавшим Пиголем. Дверь закрылась, и две женщины остались наедине. Толстуха всхлипнула, вытерла окровавленные губы и со злобой, яростно выдохнула:

– Я отравлю эту тварь! Я ее... я...

– Да ничего ты ей не сделаешь, – презрительно переби-

ла Нила. – Попробуешь что-то выкинуть – она тебя в порошок сотрет! Баба – зверь! Говорят – она любимая наложница Пиголя, вишь, как он ее обихаживает! Сегодня в клан ее примут, так что заткни язычок и молчи. А то я могу и передать ей то, что ты говорила! Я помню, как ты мне угрожала, что донесешь! Смотри – она тебя не пощадит, видела, какой у нее взгляд, как у зверя!

– Твари! Все вы твари! – Жевена бессильно опустила руки и уставилась в пространство.

* * *

Канцелярия клана поразила Сергея своей обыденностью. Казалось бы – средневековое, должно быть что-то этакое, не похожее на земное, ан нет! Затхлая, пахнувшая пылью и чернилами комната, несколько писцов, скрипящих перьями, кабинет чиновника, отличающегося от земного костюмом и отсутствием мобильного, а так все остальное присутствует – равнодушная физиономия, холодное презрение – как и положено. Правда, надо отдать должное – как только увидел монеты, тут же оживился, вышел из-за стола, похлопал Пиголя по плечу:

– Ооо! Мой друг! Как давно ты не заходил! Совсем забыл своего старого приятеля Дорона! Что, какие проблемы? Все решим, все сделаем!

Две серебряные монеты исчезли со стола, и как Сер-

гей ни пытался увидеть сам процесс поглощения чиновником этих благословенных кругляшков – не сумел заметить, как они исчезли. Вот только что лежали – и уже их нет! Магия, да и только!

Через двадцать минут Пиголь и новый член клана по имени Серг Сажа шагали к двухколесной повозке, в которой разъезжал Пиголь. Повозка стояла у выхода из канцелярии на Клановой улице. Здесь, на тихой улочке, скрытой от солнца огромными ореховыми деревьями, находилось сердце сообщества кланов – их канцелярии, место, где учитывался каждый человек, живущий в этой стране, о которой Сергей пока не знал ровным счетом ничего. Совсем ничего. Увы, знания Абины были невероятно малы, ограничиваясь Винсунгом и городом, который почему-то так и называли – Город. Что находилось за его пределами, Абина практически ничего не знала. Живут люди, да. Как живут? Да кто их знает – живут, да и все тут.

Пиголь забрался в повозку, отчего та перекосилась, будто грозя опрокинуться, следом запрыгнул Сергей – его веса повозка почти не ощутила. Пиголь хлопнул возчика по плечу толстой тростью, которую всегда таскал с собой, и они двинулись вперед, вернее – назад, домой к Пиголю. Нужно было многое обсудить.

Ехали молча – не при возчике же обсуждать свои дела, и Сергей смотрел на город, в котором появился две недели назад. Раньше он не видел ничего, кроме порта и прилегаю-

щего к нему района. Здесь, в деловом центре города, Сергей никогда не был и не мог быть – его бы близко не допустили на булыжную мостовую, чистую, будто вымытую с мылом. Впрочем, почему «будто» – по дороге он видел, как служанка мыла мостовую перед воротами какого-то особняка.

Разглядывая дома, Сергей испытал легкое разочарование. Ворота, стены домов, высокие заборы, лавки, магазинчики – ничего особенного. Напоминало город где-нибудь в Чехии или Прибалтике. Сергей там не был, но ведь телевизор никто не отменял?

На улицах фонари – вероятно, масляные, так как стекла сильно закопчены. Высокие трубы домов – видимо, каминные, а может, и печи. Зимы здесь нет – в земном понимании, но сезон дождей был, когда температура падала вниз и привыкшие к теплу люди начинали мерзнуть. Сейчас лето, которое продлится несколько месяцев.

Люди тоже не вызывали особого интереса: смуглые, одеты пестро и не пестро – толпа как толпа. И если бы не вооруженные до зубов типы, расталкивающие прохожих мечами, торчащими за поясом, можно было бы подумать, что находишься где-то на земной улице на Востоке. Ничего особо удивительного – люди как люди: веселые, грустные, хлопотливые и прогуливающиеся, как обычные горожане, чтобы нагулять аппетит перед обедом. Нет – было отличие, конечно, – отсутствие автомобилей. Лошади, повозки, грохот окованных сталью огромных колес – почему-то тут предпочитали коле-

са здоровенные, в рост человека. Впрочем, и тут был, вероятно, свой резон. Какой – Сергей не знал и знать, честно говоря, не хотел. Он лихорадочно раздумывал о том, чем ему заняться в ближайшее время и как пустить пыль в глаза Пиголу, хмурому и тоже думающему о чем-то своем. Возможно, о том – стоило ли отдавать за этого «демона» кровные золотые. Сумма, по меркам здешнего народа, получалась просто огромная, вот почему бездомные, бесклановые, никогда не могли бы войти в клан – им никогда не заработать таких денег.

Ехали около часа, город запрудили прохожие, повозки, ближе к вечеру их стало особенно много – видимо, после полуденной жары люди начали выползать на улицы – кто за пропитанием, кто просто прогуляться. Днем город был сонным, вялым, почти тихим, если не обращать внимания на продавцов воды, блуждающих по раскаленным улицам в поисках клиентов.

Эти самые разносчики отличались невероятно яркими, цветастыми нарядами, наподобие клоунских, и были увешаны множеством небольших кружечек, якобы серебряных. Кружечка теплой, пахнущей тиной воды стоила один медяк.

Сергей подозревал, что от разносчиков вместе с водой можно получить какую-нибудь заразу или глистов. Впрочем, тем, кто не хотел пить пустую воду, разносчики предлагали и вино – дрянное, но вполне способное подкрасить неудобоваримую жидкость и, возможно, даже обеззаразить ее.

Несмотря на то что местные жители не имели никакого понятия о микробах, они прекрасно знали, что, если разбавить воду вином, можно уберечься от лихорадки и множества неприятных болезней. Хотя разве есть болезни приятные?

Привратник у дома Пиголя расторопно открыл ворота, и повозка въехала во двор, где к ней подбежали двое слуг. Откинув дверцу, они низко склонили головы перед хозяином и волей-неволей перед его спутницей, почему-то рядившейся в мужскую одежду.

Пиголь, не глядя на подчиненных, прошел в дом. Сергей следовал за ним, и через минуту они оказались в кабинете хозяина дома. Как ни странно, кабинет был полон книг и свитков, что очень удивило и даже поразило Сергея. Пиголя с его фигурой отяжелевшего молотобойца и соответствующей физиономией никак нельзя было заподозрить в любви к книгам. Не тот типаж.

Заняв свое место за массивным столом полированного дерева, Пиголь кивнул Сергею на пустующее кресло напротив и замер, переводя дух, как огромный лев, устроившийся на камне, возвышающемся над прерией.

– Удивляешься? – внезапно спросил он, кивнув на полки и криво усмехнувшись. – Мол, этот тупой парень не может читать книги? Зачем ему это?

– Честно сказать, удивлен, – кивнул Сергей. – Тупым я тебя не считал и не считаю, но такое количество книг в этом

мире, где все больше заняты выживанием, странно.

– Интересно, а твой мир, твои соплеменники – они все заняты чтением книг? – внезапно спросил Пиголь. – Целыми днями только и делают, что читают? Только честно!

– Честно? – усмехнулся Сергей. – Нет. Если говорить обо мне – я в последние годы совсем мало читал. Практически ничего, кроме служебных документов, конечно. Тут мне пришлось перелопатить очень много. И сочинить. Кстати, мне бы хотелось выучить грамоту, научиться писать и читать. Я ведь не умею. Только говорить могу. Об этом мире я знаю немного. Языку меня учила подружка-нищенка.

– Это какая подружка – Абина? – прищурился Пиголь. – Знаю ее. Симпатичная девочка. И в постели хороша, умеет ублажить. У меня все девочки на учете.

– Можно вопрос? – поморщился Сергей.

– Зачем мне эти грязные девки? – ухмыльнулся Пиголь. – Если я могу купить чистую профессионалку? Знаю я эти разговоры, знаю. Я все знаю. И если ты собрался... собралась держать меня за дурака – сильно просчиталась.

– И все-таки зачем? – невозмутимо продолжил Сергей. – И я уже говорил тебе – я мужчина. И был мужчиной тридцать восемь лет.

– Мужчина так мужчина. Мне все равно, – равнодушно пожал плечами Пиголь. – Хотя я не отказался бы с тобой покувыркаться! Может...

– Нет! – быстро сказал Сергей и напрягся. – Никогда!

– Ну... может быть, когда-нибудь передумаешь, а? – Пиголь радостно хохотнул. – Да ладно, ладно! Лучше расскажи – как это, очнуться и ощутить, что ты стал женщиной? Что ты почувствовал? Нет – правда, интересно! Как ты, мужчина, чувствуешь себя в теле женщины?

– Плохо, – вздохнул Сергей. – Я был почти таким же крупным, как и ты. Когда-то занимался борьбой, боксом. Меня даже направили на курсы – готовили из меня инструктора по рукопашному бою. Ну... как бы это сказать... у вас тоже, вероятно, это есть – единоборства без оружия, голыми руками. Есть? Ага. Ну вот. Представь – просыпаешься, а ты вешишь в два раза меньше, худой и без члена. С сиськами! Мать их... Ладно хоть сиськи маленькие, не дрыгаются! Я никогда не думал, что сиськи – такая неудобная штука! И каждая сволочь норовит за них цапнуть... смеешься? Ага, я бы тоже смеялся. Когда ходили работать в город, каждый мужик норовил за них уцепить. Если бы не Абина, я бы кому-нибудь из них глаз выдавил или кадык порвал. Она говорит – сразу убьют. Верю. Видел, как один пьяный придурок зарубил бескланового просто за то, что тот недостаточно быстро уступил ему дорогу. И пошел дальше, радостно смеясь – вместе со своими друзьями. Кстати, ты не мог бы Абину пристроить куда-нибудь поближе, забрать из Винсунга? Девка хорошая, только вот наркота ее губит...

– Уже пристроил. Она будет тебе прислуживать, – кивнул Пиголь, наблюдая за Сергеем прищуренным глазом. – А ино-

гда и меня обслуживать будет. А что? Должна же она быть мне как-то полезна. Не только тебе.

– Кстати, ты так и ушел от ответа – почему тебе нравятся девки из Винсунга, а не чистые профессионалки? – спохватился Сергей.

– Ушел, – кивнул Пиголь. – А с чего ты решил, что имеешь право задавать мне такие вопросы? Пока что ты ничего не сделал для увеличения моего состояния и статуса, только лишь тратишь мои деньги, сидя у меня на шее. И требуешь у меня отчета – что мне нравится и почему? Мне кажется – ты расслабился. Стоит мне кивнуть, и ты снова пойдешь в Винсунг, а твое кланство я уничтожу. Канешь, как дерьмо в сортир! Никто о тебе и не вспомнит. Не веришь?

– Верю, – Сергей постарался, чтобы голос его не дрогнул. – Только ты умный человек и постарайся выжать из ситуации все, что возможно, и не будешь принимать решение просто так, под влиянием минуты.

– А с чего ты это взял? Ты меня сколько времени знаешь? – снова прищурился Пиголь. – Под влиянием минуты я сделал тебя членом клана, под влиянием минуты уничтожу. Почему нет? Я развлекаюсь, мне интересно, что ты за демон такой. Давай договоримся: я – твой хозяин, ты принадлежишь мне! Я делаю все так, как хочу. А ты, пока не докажешь свою полезность... пока – никто. Сейчас ты мне интересен как нечто, внесшее разнообразие в мою жизнь. Не более того. Захочу – отвечу на твои вопросы. Захочу – не отве-

чу. Что же касается моих вопросов – какими бы они ни были, – ты обязан на них ответить. Всегда. Даже если я спрошу о цвете твоего дерьма или о том, кувыркался ли ты с Абиной в постели. И как кувыркался. Понятно?

– Понятно, – хмуро кивнул Сергей. – Но спрашивать-то мне позволяется? Как я, не получив информацию о твоём мире, могу оказать тебе услуги, если я не знаю, как живут у тебя в стране? Я даже не знаю, сколько стран есть в твоём мире!

– Достаточное количество стран... – Пиголь задумчиво прикрыл глаза, откинувшись на спинку кресла. – Помолчи, я подумаю.

На минут десять воцарилась тишина. Толстые стены кабинета почти не пропускали звуков, и Сергею на секунду показалось, что он погрузился под воду, туда, где безмолвие прерывается лишь воплями рыб. Впрочем, он этих воплей не слышал, хотя и верил ученым, что таковые вопли существуют. А на что еще ученые, как если не для того, чтобы предоставлять нам информацию, по большей части совершенно не нужную в жизни?

– Итак, мой приговор! – Пиголь тяжело облокотился на стол, наклонив над ним крупную голову. – Я предоставляю тебе учителя – он будет учить тебя письму, чтению, а еще даст информацию о нашем мире. Запрещается рассказывать учителю о том, что ты демон. Ничего, никаких сведений. Больше – если ты где-то вякнешь об этом, пусть даже

по пьянке, в постели с дружкой или подружкой, и я узнаю – сломаю тебе ребра. Ты мой, и только мой – запомни это! Месяц, чтобы ты выучился грамоте. И полгода после этого, чтобы доказать свою необходимость. Не докажешь – я буду использовать тебя, как мне захочется, хоть бы и как обычную девку. А может, придумаю еще что-нибудь получше... поинтереснее. Что так нахмурился? Думал – старый Пиголь расслабился, потерял разум, просто так вывалил кучу денег ради помощи какой-то девке? Ты мне кто – друг? Брат? Сестра? Ты – никто! Чучело из Винсунга! Которое должно мне столько денег, что за всю жизнь, подтирая говно в таверне, столько не заработает!

Пиголь помолчал и продолжил уже спокойным веселым тоном:

– Ну, что так переживаешь? Жив, здоров, сыт. Хочешь – будешь и пьян! Хотя я этого не одобряю. Да – не одобряю! Я – другое дело. Но пьяниц-слуг не держу. Я их просто убиваю!

– А как же власть? – не выдержал Сергей. – Если убьешь – с тебя ведь спросят!

– Власть? Я – власть! Мои деньги – власть! Убью – и в море. Ищи потом! Ну, придут, может быть – по заявлению матери. Или сестры. Или жены. Спросят – куда делся наш придурок? Отвечу – не знаю! Ну, правда, не знаю я, куда он делся. Может, его акула высрала! А может, кожистый заградон! Хе-хе-хе... куда он делся? Пара монет – и вопросов больше нет. Понятно?

– Понятно. Знакомо как-то все, – вздохнул Сергей. – У нас тоже деньги решают многое. Но не все.

– И у нас не все. Не всех можно так – в море! – снова хотнул Пиголь. – Есть те, за кого и спросят. На то я и Пиголь, чтобы соображать – кого можно, а кого нельзя. Так что ты чувствовал, став женщиной? Кстати, – не хотелось попробовать, как это – с мужчиной?

– Нет! – Сергей невольно передернулся. – Нет, не хотелось. Совсем даже не хотелось! Отвратительно это – быть женщиной. Особенно в мире, где каждый смотрит на тебя как на мясо, которое нужно... В общем, не по мне это. Очень хочу вернуться... если не в свое тело, то в любое мужское.

– А что, это возможно, – пожал плечами Пиголь, с усмешкой глядя, как загорелись глаза Сергея. – Мой друг Лоо проводит исследования на эту тему. Только – тсс! Я тебе ничего не говорил! Он не любит, чтобы это обсуждали. Не получается у него. Народу уже загубил кучу. Я время от времени отправляю к нему девок, которые мне не угодили, или должников – отрабатывать долг. Никто еще не вернулся. Ты не смотри, что он на вид такой добрый старичок, – это бестия похлеще заградона, сожрет и не поморщится. Даже я его опасаюсь. Колдуны вообще твари непредсказуемые. У них в голове дерьмо, а не мозги. Не знаешь, чего ожидать в очередной раз. Говорят, когда их в колдуны принимают, мозги набекрень сворачиваются. Ведь выживают один из десяти колдунов. Поэтому они такие...

– Это что, их делают, колдунов? – Сергей широко раскрыл глаза от удивления. – Я думал, они такими рождаются!

– Делают, – равнодушно пожал плечами Пиголь. – Редко кто с рождения колдует. Их превращают в колдунов какими-то пакостными снадобьями и ритуалами. Потому – большинство колдунов сироты, не имеющие родителей, не имеющие никакой родни. Каждый может пойти к Верховному Магу и заявить, что хочет стать колдуном. И его возьмут. Только вот выживет он или нет – большой вопрос. Мало кто хочет стать колдунами, и еще меньше тех, кто выживает. И это хорошо. Иначе эти проклятые твари заполонили бы весь мир!

– А почему ты не любишь колдунов? – осторожно осведомился Сергей. – Что они тебе сделали?

– Я не люблю то, чего боюсь, – усмехнулся Пиголь. – А боюсь я того, чего не могу понять. Магию я понять не могу. Она опасна и непредсказуема. Хотя и полезна. Колдуны видят суть вещей. Вот, например, он увидел в твоём теле две души. Я этого не могу. Как он это сделал – не знаю. Я ненавижу Лоо, но он мне нужен. Как и я ему – выгодный клиент, обеспечивающий его деньгами. Ладно, хватит – мне нужно в Винсунг. Сейчас я распоряжусь, чтобы тебе прислали учителя...

– Можно попросить? – нерешительно осведомился Сергей. – Нельзя ли мне учителя по боевым искусствам? И кстати, у вас есть какие-либо ограничения – учить только мужчин? Или можно и женщин? Ведь снаружи я женщина... увы.

Раз я влезаю в твои дела, мне обязательно нужно быть в боевой форме. И неплохо было бы кольчугу...

– Хмм... я не возражаю, – на миг задумался Пиголь. – Если ты будешь в числе моих людей, тебе нужно владеть оружием. И не только таким, как твоя зубочистка. Кстати, можешь забрать ее назад. Возьми. Надеюсь, я не заподозрю, что у тебя возникла мысль воткнуть его мне в грудь...

– Зачем в грудь? – задумчиво покачал головой Сергей. – Можно в горло... или в затылок... в глаз – тоже неплохо. Клинок сразу в мозг, мгновенная смерть. Я служил в разведроте, меня учили убивать. Кое-что помню. Но это так, к слову...

– Я оценил, – кивнул головой Пиголь. – Да, ты мог попробовать. Но больше так не говори. Иначе я решу, что выгоднее свернуть тебе башку. Просто потому, что мертвому не нужны ни деньги, ни дома, ни слуги. Кстати, я оценил и твои знания в убийстве людей. Я некогда был победителем в борьбе без правил. Видишь вот этот шрам? Это один скот укусил меня в бою. Я свернул ему шею. Но стал выше всех!

Пиголь постучал пальцами по крышке стола, задумался и после полуминутного молчания добавил:

– Ладно – будет тебе учитель боя. Не здесь – будешь ходить в городскую школу. Есть у меня на примете один старикан, только он своеобразный... Не знаю, возьмет ли тебя, но если возьмет – не пожалеешь. Он сделает из тебя бойца, даже если ты этого не захочешь. Но только не забывай –

ты мой слуга, и твоя задача сделать так, чтобы я стал богаче. Ну и... веселить меня! Нет – не своей задницей, чего желваками забегал? Мне девок хватает и без тебя. Веселить меня – это говорить со мной. Вокруг меня идиоты, глупые твари с птичьими мозгами, ублюдки, выродки, ничтожные гниды и грязь, мечтающая стать человеком! Поговорить не с кем. Ты думаешь, я всем позволяю так запросто сидеть и со мной разговаривать? Задавать мне вопросы? Ошибаешься. Считай это честью – говорить со мной. А я ценю твою прямоту, но только не зарывайся. Что-то хочешь спросить?

– Почему у тебя семьи нет? Жены?

Сергею показалось, что рука Пиголя дернулась, чтобы его ударить. Он инстинктивно отклонился, но нет – рука бес- сильно разжалась, и Пиголь будто осел, как-то сразу расплывшись, как свеча в пламени очага.

– Это долгая история. Тебе не нужная. Не получилось, скажем так. Да мне и без этого хорошо – никто не мешает наслаждаться жизнью. Все, хватит разговоров на сегодня, сейчас идешь в свою комнату и ждешь, когда придет учитель. В школу единоборств поедем завтра утром.

– Я могу посещать этот кабинет, читать книги? – быстро выпалил Сергей, глядя, как Пиголь дергает шнурок вызова слуги.

– Можешь. Я отдам распоряжение. Все, жди служанку, она тебя проводит.

Пиголь поднялся, шагнул к дверям и вышел, не захлопнув

дверей. Сергей остался один. От нечего делать он стал разглядывать полки с книгами. Их было много, а по здешним меркам, вероятно, очень много. Пятьсот? Тысяча? Ленъ считать. Огромное богатство. Абина говорила, что каждая книга в этом мире стоит очень больших денег. Каких? Она не знала. Книги ее не интересовали. Просто знала, что дорого, и все тут. Как драгоценности на дамах, которые изредка забредали в порт в сопровождении отряда охраны. Без надежной охраны никто из знати не решался войти на опасную территорию – здесь могли ограбить и средь белого дня.

У двери кто-то вздохнул, Сергей обернулся:

– Ты?! А! Понятно. Проводишь меня в комнату?

– Да, госпожа... – Абина поклонилась и замерла у порога, склонив голову.

– Ты чего это? Это же я, Сарана!

– Ты... госпожа, – тихо сказала Абина, несмело приподняв взгляд. – Ты клановая. А я никто... тебя все боятся. Говорят, ты теперь жена Пиголя... Прости, госпожа, я лишнего сказала!

– Хмм... Веди меня в мою комнату! – внезапно рассердился Сергей и пошел следом за девушкой, злясь без особой причины. На то, что его записали в жены Пиголя? Ну и что? Наоборот – хорошо, больше бояться будут. Теперь у него есть определенный социальный статус. И довольно высокий. Но все равно что-то в душе нарисовалось такое гадкое, неприятное... он и сам не знал – что. Просто стало противно.

Комната Сергея находилась в дальнем крыле дома, с окнами во двор, на небольшой сад. Впрочем, небольшой – это как сказать. В середине сада блестел прудик, вокруг него – газон, цветы, беседка, в которой можно разговаривать, не ожидая, что кто-то подслушает, – так представлялось Сергею. Хотя могло быть и по-другому – обычная беседка, чтобы отдыхать у воды, бросая рыбкам кусочки хлеба. Сергей с некоторых пор был склонен видеть во всем заговор и козни. По понятной причине.

Комната ему досталась вполне приличная, похожая на номер в не очень дорогой, но хорошей гостинице: двуспальная кровать...

«Интересно, зачем?» – тут же подумал Сергей, полный дурных предчувствий.

Стол, кресла, шкаф, камин – для холодных зимних вечеров, небольшое зеркало, но для этого мира просто огромное. Это Сергей уже знал. Зеркала здесь в большой цене.

«В общем, все, как полагается девушке из приличной семьи, – усмехнулся Сергей, – даже косметику положили».

На столе стоял небольшой ящичек с притираниями, пудрой, тенями и краской для губ.

Косметика Сергею была ни к чему, а вот поднос с исходящими паром чашками и горячими пирожками, распространяющими одуряющий запах печеного, – это великолепно. Как и кувшин с чем-то булькающим, пахнущий фруктами.

Вино? Сергей сейчас предпочел бы что-то вроде чая

или кофе... ему нужна была ясная голова, и туманить ее вином он не хотел. Как ни странно. При его-то наклонностях. Похоже, что с потерей своего тела он лишился и некоторых неприятных привычек, если их можно так назвать. Алкоголизм – привычка? Или болезнь? Если болезнь – тогда он вылечился. И похоже, увы, навсегда...

– Я тебе нужна, госпожа? – Абина потупила глаза, поклонилась и замерла у порога.

– Нет. Иди, – сухо ответил Сергей, не глядя на бывшую подругу, с которой его словно разделила невидимая стена.

Дверь хлопнула, и наконец-то он остался один, впервые за этот день. Такой суматошный, такой насыщенный событиями день. Теперь у него есть статус и кое-какая определенность. И надежда.

* * *

Сергей проснулся от отчаянной попытки организма освободиться от выпитого и съеденного. Вскочил с кровати, натянул мягкие кожаные полусапожки на низком каблучке и помчался в коридор, едва успев закрыть за собой дверь. Пожалел, что в комнате нет своего туалета, – проходить через строй любопытных, неприязненных и просто равнодушных взглядов было не очень приятно. Напоминало то, как если бы он забрался в наркоманский притон и бродил по комнате перед сидящими в ожидании нарками.

Ощущение было именно такое – все в комнате ждут от него каких-то действий, и, скорее всего, не очень хороших для обитателей притона. Впрочем, Сергею не привыкать. Маленький кинжал, возвращенный Пиголем, спрятан за поясом, ну а то, что надо быть настороже, – это и так понятно.

Однако все прошло без приключений. Никто не напал в полутемном коридоре, никто не облил кипятком и не врезал шваброй по голове, выпрыгнув из темного чулана.

Пиголь пользовался такой репутацией, что никто не решился бы на открытые действия в отношении его... хрен знает кого – жены? Подруги? Что все-таки не отменяло попытки агрессии каким-нибудь тихим способом – например, яд или же найм колдуна, наводящего порчу. Абина некогда живо рассказала Сергею о том, как проклинаят колдуны: люди заживо сгнивают или превращаются в страшных уродов.

Вообще-то Сергей не особенно верил, что на такую персону, как он, будет натравлен настоящий колдун вроде Лоо, – это стоило бы слишком больших денег, что слугам Пиголя не по карману, но все бывает.

Когда Сергей вернулся, в комнате его ждал сюрприз: человек тридцати – тридцати пяти лет, невысокий, стройный, с длинными, забранными сзади в косу волосами. Синие глаза пришельца с воспаленными красноватыми белками смотрели немного отстраненно, будто хотели тут же закрыться и не открываться минимум часов десять. Сергей безошибоч-

но сделал вывод – похмелье, сон три часа и полное отвращение к реальности. Сам такой бывал – не раз и не два.

– Кто ты? – требовательно спросил Сергей, в упор глянув на гостя, устроившегося в кресле, и тот слегка улыбнулся, окинув взглядом вошедшую, задержавшись глазами на обтянутых кожаными штанами бедрах.

– Я твой учитель, госпожа! – мягким грудным голосом ответил пришелец. – Мое имя Захар. Я буду учить тебя... почему ты смеешься, госпожа? Над чем?

– Извини. Просто у меня был некий знакомый по имени Захар... тоже учил меня кое-чему.

Захаром звали армейского приятеля Сажи, учившего его залпом выпивать граненый стакан водки, закусывая, вернее, занюхивая его карамелькой. Понадобилось достаточно долгое время, чтобы Сергей научился не морщась всасывать стаканюгу, не упустив содержимое желудка назад. Впрочем, до Захара ему было далеко – тот мог выхлебать стакан водки, запивая ею печенку. При одной мысли о таком беспределе Сажу тошнило.

Жизнь разбросала друзей по разным концам страны, по слухам, Захар пошел по контракту, исчезнув где-то в горах Кавказа. Хотя, возможно, это досужие разговоры, и Захар давно уже кормил червей, спившись, как многие вояки, прошедшие горнило войны. Но стоит быть объективным – Захар научил Сергея не только пить водку и виртуозно ругаться матом, он великолепно метал ножи и отлично владел

ножевым боем. Не сказать чтобы Сергей стал мастером после его уроков, но кое-какие приемы перенял. А что касается метания ножей – как говорил Захар: «Чтобы хорошо метать ножи и попадать в цель, нужно просто метнуть нож десять тысяч раз. И ты начнешь попадать туда, куда хочешь. А если сделаешь это сто тысяч раз – станешь мастером».

– Надеюсь, твой учитель был достоин своего имени, госпожа! – слегка нахмурился «новый» Захар. – Господин Пиголь нанял меня для того, чтобы обучить тебя грамоте, а еще – ответить на твои вопросы по естествознанию. Судя по его словам, ты совсем ничего не знаешь о мире. Как так получилось, что ты дожила до восемнадцати лет – ведь тебе столько? – и ничего не знала о мироздании! Не пояснишь, как так получилось? Я не с праздной целью, а лишь для того, чтобы наши уроки имели наибольшую для тебя пользу. Ведь я должен иметь представление об уровне своей ученицы, дабы не терять времени и не повторять то, что ты уже знаешь.

– Уважаемый Захар! – Сергей уже начал приспосабливаться к здешней манере велеречиво излагать свои мысли. – Тебя не должно беспокоить, как и почему я оказалась лишена знаний, присущих девушке моего возраста. Честно сказать – это не твое дело, прошу не обижаться. Давай построим наши отношения так: я спрашиваю, ты отвечаешь. Заверяю тебя – я быстро учусь. Будем считать, что я потеряла память в результате некоторого магического воздействия

некого неустановленного колдуна, и теперь мне нужно заново учить грамоту.

– Вот как? – Захар был слегка ошеломлен и даже озадачен. – Тут присутствует магия? Хмм... Ну... ладно. Как мне тебя именовать?

– Серг Сажа.

– Странное имя. Хотя какая разница? Итак, госпожа Серг Сажа, с чего начнем? С грамоты? Или с рассказа о том, что нас окружает? Откуда берется ветер? Или – кто создал мир?

– Вот что, уважаемый Захар, эту вашу ерунду по поводу создания мира и движения воздушных потоков оставь на далекое будущее. Интересно, но совершенно мне не нужно. Пока не нужно. Расскажи о государстве, в котором мы живем, о том, как оно устроено. О способах управления, какие страны его окружают. Приступим? Ты готов? Позвать служанку, чтобы принесла тебе вина – поправить здоровье?

– С чего ты решила, что я... – Захар запнулся и слегка покраснел, потом поморщился и виновато кивнул головой. – Верно. Перебрал вчера. Если бы не эта привычка, я бы поднялся высоко. Но ничего не могу с собой поделать. Честно сказать, предложение господина Пиголя было очень своевременным и щедрым. Мое положение сейчас не очень хорошее и даже, можно сказать, плачевное. Ко всему прочему, мне не везет в кости, и проклятые «близнецы» никак не хотят выпадать во время моих бросков. Думалось – смогу пре-

одолеть полосу неудач, ведь когда-то же она должна кончиться? Увы, моим полосам нет конца. И все они черные. Прости, госпожа, но кружечка вина поправила бы мое здоровье и прочистила голову.

– Хорошо, – Сергей дернул за знакомый синий шнурок, через полминуты появилась Абина, а еще через пять минут на столе стояла бутылка зеленого стекла с темным содержимым. Через десять минут умиротворенный, слегка румяный Захар сидел перед Сергеем и отвечал на его вопросы.

Остаток вечера прошел в напряженной беседе. Сергей узнал все, что можно было узнать от этого человека, и вправду хорошо образованного и обладающего энциклопедическими знаниями.

Это был остров. Большой остров. Не материк, но и не букашка вроде каких-нибудь Канар. По размеру ближе к Англии, наверное. Или побольше. Вот только климат тропический, а не английский.

Остров назывался – о чудо! – Мир. Ну да, просто – Мир, и все тут. А вокруг Океан. Что находилось за океаном – Захар перечислял страны, народы, но этой информации было так много, что Сергей пропустил ее мимо ушей. Потом разберется. Сейчас не до того.

Вот по структуре управления страной, в которой оказался, он прошелся подробнее. Хотя особо нового не услышал – десять кланов. Самый мощный и сильный клан занимает ключевые посты государства. Здешний император называется

геренар, это что-то вроде «Вождь вождей». Клановая система и простая, и сложная одновременно. Можно переходить из клана в клан – с помощью женитьбы, или же за деньги, или по персональному разрешению главы клана. Есть кланы враждебные, есть дружественные. Кто из них кто, где враги, а где друзья – Захар объяснить пытался, но Сергей так и не смог понять все это как следует и отставил дело в дальний угол. Потом разберется.

В общем и целом государственная структура не имела отличий от земной – собирались налоги, карались преступники, имелись законы и, как следствие, их нарушители. Армия, стража, охрана – все как всегда. Ничего нового, интересного, кроме все тех же магов, непонятно как появившихся в этом мире.

– Маги существовали вне кланов, у них была своя организация – что-то вроде секты, если ее можно так назвать. Закрытое сообщество, руководимое Верховным магом, подчиняющимся только геренару. Да и подчиняющимся ли? – учитель развел руками. – Поговаривали, что Верховный вообще никому не подчиняется, и плевать ему на всех, кроме себя и Организации! Только я тебе ничего не говорил, это речи против геренара, и за такое можно потерять голову! – шепотом предупредил Сергея Захар.

Кланы... Первая мысль – да тут черт ногу сломит! Как самый сильный клан пришел к власти? Он объединился с тремя сильными кланами. А потом, когда пришел к власти, от-

дал часть ее в эти самые кланы, пустил к кормушке. Какая новизна! Сергей даже затосковал – история действительно идет по спирали, как ему некогда говорили.

Преступники? Ничего нового. Банды, шайки. Их отлавливают, отрубают голову, сжигают, сажают на кол – последнее особенно не понравилось Сергею, он даже заерзал на месте, представляя этот процесс – четвертуют, закапывают заживо, травят собаками, скармливают диким зверям – вариантов столько, сколько креативных фантазий объявится в голове похмельных судей. Встанет с утра бодрячком, с хорошим настроением – всего лишь в рабство на гребные суда. Геморрой замучил, жена запилила – на кол подлеца!

Суд здесь был скорым и вроде как по закону, но... Закон как дышло, куда повернул – туда и вышло. Эту поговорку придумал русский народ, наученный горьким опытом общения с властью. Сергей это знал по себе, тем более что он как раз и был частенько несправедливым мечом правосудия. Или скорее таким кинжальчиком, пыряющим исподтишка, в спину, но с тем же эффектом, как и меч палача. Подброшенные наркотики, поддельные протоколы и фальшивые свидетели – все было. И не потому, что Сергей злой и подлый человек, совсем нет! Просто такова жизнь, таковы правила игры. Хочешь жить... в общем – ничего нового.

Через несколько часов, уже поздним вечером, Сергей был выжат как лимон. Как и его учитель. И тогда Сергей предложил продолжить завтра. После обеда. Помня, что с утра ему

предстоит отправиться с Пиголем к какому-то там вредному старикашке, который еще, быть может, и не возьмется учить непонятную девку, неизвестно зачем собравшуюся заняться искусством рукопашного боя.

Как выяснилось из разговора с Захаром, бойцы-женщины существовали и существуют в природе, однако обычно они кардинально отличаются от «госпожи Сажи» – мужеподобные, здоровенные бабищи. Здешнее общество патриархально, так что участие женщин в битвах, кроме как в роли медсестер или проституток, здесь не приветствовалось.

Отпустив учителя, Сергей разделся и юркнул в постель – чистую, лишенную клопов, вшей и прочей живности, ставшей в последнее время неотъемлемым спутником жизни «Сараны» и доводившей его до безумия. Иногда прямо посреди ночи Сергей вскакивал с топчана в своем домике и устраивал «сафари», уничтожая всех супостатов, попавшихся под руку, дощечкой, которую он держал именно для таких случаев.

Впрочем, война с насекомыми была безуспешна, и каждая ночь превращалась в мучительную пытку, в чем он видел коварный замысел богов: наказать его за прегрешения, как Прометея. Только вот Прометею орел клевал печень, а клопы и вши ели интимные и не очень части тела Сергея, что не способствовало спокойному сну.

Он пытался бороться с этим бесовским легионом, покупал специальные палочки для окуривания дома, но помога-

ло ненадолго – после уничтожения собственного контингента насекомых орды соседских, особо злых и голодных, занимали освободившуюся территорию вместе с источником питания.

Первую ночь в доме Пиголя Сергей спал в комнатке кого-то из слуг, на узкой, покрытой набитым соломой матрасом кровати, но она казалась ему пятизвездочным отелем на каком-нибудь дорогом курорте. Нынешняя комната превзошла все ожидания. Скорее всего, эта комната была предназначена для солидных гостей, привыкших отдыхать в комфорте.

Под кроватью обнаружился и ночной горшок, что привело Сергея в смешливое настроение – на горшке он не сидел с детсадовских времен. Осторожно приоткрыв крышку сосуда, задумчиво потыкал пальцем в покрытую прихотливыми узорами медную стенку, хихикнул и, снова поставив горшок на пол, задвинул его под кровать. Похоже было, что придется привыкать к средневековым «удобствам» – то-то домочадцы Пиголя глядели на него, расширив глаза, будто увидели морское чудовище. В общественный сортир здесь ходят только слуги низшего уровня. Прокол! Нужно поддерживать свой статус. Да и безопаснее – не хватало еще попасть в засаду прямо в доме.

Пиголь в этот день не приходил, будто забыв о своем «демоне». Сергей вызвал Абину, попросил принести ужин. Потом поел, не слишком налегая на сытную, жирную еду –

есть не особо хотелось, да и тяжелая еда на ночь – верный путь к просмотру ночных кошмаров, и лег спать, раздумывая, как в этом доме устроить душ. Никаких мыслей не пришло, зато явился Оле Лукойе, раскрывший над не очень хорошим мальчиком-девочкой Сергеем Сажиним черный зонтик и отправивший его в глубокий, тяжелый сон – убежище всех тех, кто хочет сбежать от не очень приятной реальности.

Глава 4

– Госпожа Серг! Госпожа Серг! – чей-то голос и громкий стук безжалостно вырвали Сергея из объятий Морфея, и он со стоном сел в постели, продирая глаза и пытаясь сфокусировать зрение на столе, уставленном перепачканными вчерашней едой чашками. После третьей попытки глаза все-таки заработали как надо, голова тоже включилась, хоть и частично, и стало ясно – в дверь кто-то стучит, и похоже, что неспроста. На большее утреннего разума Сергея не хватило.

– Кто там? Чего надо? – получилось хрипло, будто петух, не прочистивший голос перед утренней побудкой.

– Госпожа Серг! Господин Пиголь требует тебя. Говорит, чтобы собиралась ехать в город. Он скоро пришлет за тобой! – голос Абины был испуганным, как если бы за ее спиной стоял вооруженный солдат и грозил снести ей голову.

Она всегда была такой испуганной и Сергея учила: мол, чем испуганней и безобидней будешь выглядеть, тем меньше опасность того, что на тебя нападут и что-нибудь с тобой сотворят. Нужно быть незаметным, а если заметили – безобидным. Больше шансов выжить.

Сергей за эти страшные недели пять раз огребал по полной – за взгляд в упор, за нерасторопность, когда уступал дорогу человеку высокого статуса – а это все, кто не нищий, –

и просто так, от плохого настроения обижавшего: вышел, проигравшись в кости, а тут проклятая нищенка метет улицу! Ннна! Получи!

Каких усилий стоило Сергею не наброситься и не откусить ухо какому-нибудь гаденышу – один бог знает.

– Собираюсь! – крикнул Сергей, наливая в кружку вчерашнего компота и отпивая большой глоток. Часть темно-красной жидкости пролилась, по груди прокатились пурпурные капельки, напоминающие капли крови.

Сергей недовольно и с некоторым содроганием уставился на свою грудь, на торчащие соски, сморщившиеся от прохлады, и невольно зарычал, как загнанный зверь. Больше двух недель, а он все никак не может привыкнуть! Как и к тому, что ему нужно сесть, чтобы помочиться. Ненавистные тонкие руки с длинными пальцами, годные лишь для вышивания, а не для того, чтобы разбить башку противнику! Ну почему, почему его не засунули в мужчину?

Но могло быть и хуже. Девка, в которой он оказался, хотя бы красивая, стройная, как ни странно, довольно спортивная – ноги длинные, жилистые, с рельефными мускулами. Прыгунья в высоту, да и только, или бегунья на длинные дистанции. Ни грамма жира, подтянутая. Засунули бы его в жирную, противную Жевену, вот тогда бы он взвыл. Так что нужно довольствоваться тем, что досталось, и не гневить богов. Их, богов, развлечения слишком креативные, если не сказать – извращенные, а посему... но лучше об этом

не думать. Кто знает, может, эти самые боги его сейчас подслушивают?

Мысль отрезвила Сергея, и, почесав тугой зад, он начал натягивать штаны, мучительно раздумывая о том, что будет, когда придут ЭТИ дни. А они должны быть скоро – если, конечно, физиология местных соответствует физиологии земных людей. По внешнему виду соответствие было полным – Сергей уже обследовал свое тело, насколько мог.

Одевшись, Сергей привычно сунул за пояс кинжальчик – тот стал уже чем-то вроде талисмана, – натянул мягкие полусапожки, подумав о том, что надо бы их сменить на тяжелые кожаные ботинки – ими удобнее пинать противника. Открыв засов, он вышел в коридор, где тут же наткнулся на Абину, терпеливо ожидавшую у дверей с подносом в руках.

– Ты чего молчишь-то? – спросил он, испытав легкий укол совести – заставил девку простоять с тяжелым подносом! – Надо было сказать, что принесла завтрак!

– Простите, госпожа, я забыла... – Абина склонилась в поклоне, почти в пояс, и Сергей снова испытал приступ совестливости, все-таки две недели вместе ели, пили, Абина ухаживала за ним, когда пьяный придурок вырубил его возле трактирного колодца. Воды приносила в дом, когда отравился несвежей гадостью, которой их попотчевали в одном из заведений.

Все-таки нужно как-то облегчить ей жизнь насколько можно. Это будет и по совести, и выгодно – свой человек

есть свой человек, хотя Сергей был уверен, что Пиголь приказал Абине докладывать обо всех Сергеевых передвижениях и разговорах. Сергей бы так сделал, а Пиголь что, глупее? Судя по речам, это был тертый-перетертый калач, не проведешь. По крайней мере, тот сам так считал.

– Поставь на стол, – мягко приказал Сергей и, войдя следом, прикрыл за собой дверь. Абина поставила поднос с кувшином и тарелками, склонилась в поклоне:

– Что еще желает госпожа?

– Послушай, ты можешь постоянно мне не кланяться? – начал Сергей, не зная, как сказать и с чего начать. – Мы же с тобой две недели вместе... тьфу!

Тут же подумал: Сарана с Абиной всю жизнь вместе, какие две недели? Что он несет?

– В общем, можешь так не кланяться! – с досадой закончил и тут же сделал вывод, что сказано глупо, не по делу и совсем ни о чем. И разговора этого не надо было начинать. Она все равно не поймет, только перепугается. Вон какое плаксивое лицо сделала, будто ее хотят избить.

– Как скажет госпожа! – испуганно кивнула Абина, и теперь Сергей почувствовал странное, патологическое чувство зависти – вот стоит девушка, которая все знает: как жить, как себя вести, и нет у нее никакого сомнения, что нужно жить именно так, как она живет! Ну да, сейчас ей плохо, бедной, убогой, но после смерти-то заживет хорошо, госпожой! Простая, незамысловатая жизнь, основанная на вере.

А вот он, Сергей, строит планы, страдает, раздумывает, правильно ли поступает, – так кто из них счастлив? Действительно, от многия знания многие печали, как сказано в одной древней книге.

– Где тут можно помыться? – уже спокойно спросил Сергей перед тем, как откусить от сладкого пирожка.

– Я могу принести корыто и воду, госпожа! Но госпожа уверена, что сейчас стоит это делать? Господин Пиголь вот-вот пришлет гонца!

– Уже прислал! – послышался от дверей мужской голос, и парень – тот, что когда-то привел Сергея к Пиголю, – похозяйски шагнул в комнату. – Собирайся быстрее, господин Пиголь ждет.

– Кто – собирайся? – переспросил Сергей, невозмутимо наливая в кружку свежего утреннего компота, уже остывшего, но еще теплого, пахнущего травами и какими-то неизвестными ему фруктами. Сахара в отваре было мало, но Сергей и не любил приторного компота. Когда он пил слишком сладкий компот, казалось, что тот подали на поминках... такие компоты всегда на поминках. А Сергей очень не любил поминок. Куда лучше свадьба или просто пьянка с ревом, грохотом динамиков и визжащими от восторга полуголыми девками.

– Ты собирайся, кто же еще! И пошевеливайся – хозяин ждать не будет!

И тихо, себе под нос, добавил:

– Обнаглевшая тварь...

Сергей допил компот из кружки. Повернулся и без замаха врезал тяжелой глиняной кружкой прямо в лоб парню. Эффект был таким, как если бы он врезал этой самой кружкой в стену дома. Как не проломил лоб – неизвестно, видимо, кость этого придурка оказалась гораздо крепче, чем обожженная глина кружки, разлетевшейся на куски.

Абина взвизгнула от неожиданности, парень же мешком повалился на пол, заливаясь кровью из глубокой раны на лбу, через которую была видна белая кость черепа.

«Сотрясение мозга обеспечено! – равнодушно подумал Сергей. – Сразу не поставишь на место говнюка – на шею сядут. Теперь будут знать, что опасно обращаться со мной неуважительно. Может, вообще ему глотку перерезать? Нет, это будет перебор. Казнить и миловать подчиненных – привилегия начальника. Хозяина. Слегка побить можно и нужно. Но убивать – нет. Нужно было его заглушить, нужно. Этим самым я показал всем тем, кто помнит, откуда я пришел, что сейчас мой социальный статус совсем другой, гораздо выше их уровня. Пусть боятся».

В последний раз окинув взглядом поверженного мордоворота, Сергей повернулся к Абине и тихо приказал:

– Отведи меня туда, где ждет Пиголь. Знаешь, где он?

– Знаю, – прошептала девушка, кусая губы. – Коляска всегда ждет у выезда.

– Пошли, – Сергей подтолкнул вялую Абину к выходу,

и та, получив импульс к движению, засеменила по коридору, уткнувшись взглядом в пол, чтобы ненароком не оскорбить клановых, посмотрев им в глаза.

Свет, падающий из окна, осветил ее фигурку, обрисовал зад, и Сергей неожиданно для самого себя хлопнул по тугим полушариям. Абина едва не подпрыгнула на месте, вскрикнула и заторопилась, ускорив шаг. Сергей же криво ухмыльнулся, размышляя, видели его действия всевидящие глаза домашней прислуги или не видели. А если видели – что скажут, какие вести разнесут об этой извращенке, подобранной хозяином в гнусном Винсунге и пристающей к женщинам, вместо того чтобы как следует ублажить господина?

Пиголь был сердит. Исподлобья взглянув на Сергея, холодным тоном спросил:

– И почему так долго шла? А где придурок, которого я за тобой послал?

– Прости, задержалась. Вдалбливала разум в голову твоего придурка, – так же холодно ответил Сергей, усаживаясь в коляску. – Он был непочтителен по отношению ко мне.

Стоящие рядом с коляской охранники переглянулись и снова замерли, держа руки на рукоятках мечей, как и положено порядочным охранникам.

– Жив? – коротко спросил Пиголь, поднимая брови высоко вверх.

– Жив. Голову немного разбила, потошнит пару дней, и все пройдет. Может быть, пройдет, – сухо ответил Сер-

гей. – Могу я узнать, куда мы едем?

– По дороге расскажу. Парни, за мной! Поехали! – Пиголь ткнул возницу в спину толстой тростью, повозка дернулась и загромыхала вперед, высекая искры из мостовой. Постучал тростью по левому плечу возницы, тот обернулся, и Пиголь, четко выговаривая слова, приказал:

– К мастеру Гекелю. Пошел!

Возница кивнул, хлопнул вожжами, повозка ускорила ход. Следом пристроились всадники, четверо парней в блестящих кольчугах. Получился целый караван, провожаемый взглядами любопытных прохожих.

Пиголя знали, потому всем было интересно, куда отправился уважаемый господин, сидя рядом с некой красоткой – всем известно, что Пиголь холост. Неужели какая-то баба все-таки его захмутила?

– Он глух, как пень, – Пиголь кивнул на спину возницы. – Лишнего не услышит. Нет, это не я лишил его слуха, – он ухмыльнулся и довольно откинулся назад на спинку кожаного дивана, – но ход твоих мыслей правильный. Возможно, я и сделаю себе такого возницу – лишу слуха и отрежу язык. В наше время в цене те, кто не может слышать то, что ему не предназначается, и не может рассказать лишнего. Но соображает.

– Так куда мы едем? – снова спросил Сергей, не обращая внимания на слова Пиголя и стараясь не выдать удивления. Этот монстр в человеческом обличье точно угадал то, что по-

думал Сергей.

– Ты же хотел заняться боевым искусством. Оно якобы нужно тебе для работы. Вот мы и едем к мастеру Гекелю. Если он решит, что ты достоин, – будет тебя учить. И помни про сроки – ничего не забыл из того, что я тебе говорил?

– Не забыл. А почему столько охраны? У тебя проблемы?

– Да, – Пиголь помолчал и добавил: – Потом об этом поговорим. Вот тебе и будет возможность проявить себя.

– Что за мастер такой? Почему мы к нему едем, если он еще может меня и не взять? И что значит: «может не взять»? Ты же деньги ему платишь, нет?

– Все ему деньги платят. Но не всех он берет, – пожал плечами Пиголь. – Только не спрашивай, чем руководствуется, почему одних отправляет восвояси, других учит, – не знаю. И никто не знает. Сдается, это прихоть такая. Он совсем даже не беден. Откуда у него деньги? Не знаю, он очень скрытный человек и почти не выходит из дома.

– Хмм... интересно. А сколько ему лет? Откуда он? Почему именно он? Я так-то не собираюсь становиться мастером боевых искусств. Мне достаточно просто поддерживать форму.

– Форма у тебя неплохая! – хохотнул Пиголь. – Особенно в этих штанах! Задницу обтягивает очень даже недурно. Парни головы свернули, разглядывая, как ты садишься в повозку. Да я и сам загляделся... ладно, ладно! Не делай такую рожу, демон! Демон ты или не демон, но я бы тебя

загнул, и... хо-хо-хо... Ладно – полюбовался на твою разъяренную демонскую рожу, и к делу. Никто не знает, откуда он. Его ученики непобедимы. Хотя и не участвуют ни в каких состязаниях. Просто непобедимы, и все тут. Выйдешь с ним на бой – и смерть. Труп. Он умеет их воспитывать. Деньги? Он берет деньги, да. Столько, сколько ты сможешь дать. И дают много. Или не дают совсем. Так говорят. И я хочу, чтобы ты попробовал стать его учеником.

– Зачем? Почему ты этого хочешь? – подозрительно спросил Сергей. – Ведь неспроста, да?

– Неспроста, – прищурил глаза Пиголь. – Ты будешь рассказывать мне обо всем, что ты там увидишь. Если узнаешь что-то о Гекеле – доложишь мне. Все доложишь, что узнаешь. Учти – я могу снова задействовать Лоо и выжать из тебя сведения, хочешь ты этого или не хочешь. Узнаю, что скрываешь, – будет плохо, очень плохо. Напомню – пока от тебя толку никакого. Только жрешь да портишь моих парней. И баб. Все ясно?

– В общем-то да. Только я сомневаюсь, что он меня возьмет, – пожал плечами Сергей. – Кто я ему? Девчонка, неуме-ха. Почему бы тебе не послать к нему кого-то из своих парней? Надежнее ведь будет.

– Надежнее... – Пиголь проводил взглядом встречную карету с затейливым знаком на дверце и, помолчав, неохотно добавил: – Посылал уже. Всех своих парней. И даже сам ходил к нему. Сидит, старый пень, молчит. Смотрит на те-

бя, будто в душе ковыряется, потом объявляет: «Нет. Уходи!» И уходишь, будто оплеванный. Один мой боец, крепкий парнишка, возмутился и сказал ему что-то... уже и сам не помнит что. Очнулся – лежит в канаве. Как там оказался – не знает. Что с ним случилось – тоже не помнит. Только помнит, что непочтительно отозвался о мастере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.